

ХЕЛЕН СЕМОННЭ

ПУСТЬ ЛЕТАЮТ ЛАСТОЧКИ

18+

Хелен Семоннэ

Пусть летают ласточки

«Автор»

2026

Семоннэ Х.

Пусть летают ласточки / Х. Семоннэ — «Автор», 2026

Четырнадцатилетние девочки-близнецы приезжают туда, где чужая воля до сих пор может оказаться сильнее закона и права на собственную жизнь. Вскоре одна из сестёр оказывается втянута в историю, где «свадьба» означает не праздник, а решение, принятое за неё и способное лишить подростка свободы и жизни. Когда девочки исчезают, мать отправляется на поиски. У неё почти нет времени, мало сведений и лишь несколько случайных следов. Короткий звонок убеждает её в одном: ждать нельзя. Успеет ли она найти дочерей, пока не стало слишком поздно? Смогут ли девочки выстоять там, где их судьбу уже решили за них? «Пусть летают ласточки» — социально-психологический роман с элементами триллера о похищении, насилии и выборе: отвернуться или вмешаться. Роман основан на реальных историях. В книгу включён реестр памяти девочек и женщин, чьи жизни оборвало семейное и домашнее насилие. За каждой такой историей — не статистика, а чья-то дочь, сестра, мать, чья-то непрожитая жизнь.

© Семоннэ Х., 2026

© Автор, 2026

Хелен Семоннэ

Пусть летают ласточки

Посвящение

Моей маме — моему самому преданному и восторженному читателю.

Человеку, который первым знакомится с написанным мной, радуется каждой новой странице, переживает за героев и неизменно верит в меня.

Её любовь и поддержка всегда были той опорой, которая даёт силы идти дальше, начинать новое и не останавливаться, когда дорога оказывается труднее, чем представлялось вначале.

Хелен Семоннэ

От автора

Эта книга — художественное произведение. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, — их именами, судьбами и обстоятельствами жизни случайны.

История, рассказанная в романе, родилась из множества других историй, которые год за годом появляются в новостных лентах, судебных хрониках и журналистских расследованиях.

Перед вами остросюжетная социально-психологическая драма о двух четырнадцатилетних сёстрах, которым слишком рано приходится столкнуться со взрослым миром. Напряжённое развитие событий здесь соединяется с историей взросления, семейной драмой и разговором о свободе выбора, насилии, ответственности и той границе, за которой присвоенное себе право решать за другого превращается во власть над его жизнью.

Я не берусь судить народы, обычаи или чужую культуру. Мы говорим на разных языках, по-разному верим, воспитываем детей, строим семьи и храним память предков; в этом многообразии заключена огромная часть человеческой истории. Но право на различия заканчивается там, где один человек присваивает себе власть над судьбой другого и начинает определять, как тому жить, с кем быть и какое будущее считать своим.

Об этом мой роман.

В конце книги собраны реальные имена девочек, девушек и женщин, чьи истории мне удалось найти в судебных материалах, открытых источниках и публикациях. Они здесь потому, что за каждым таким именем стоит жизнь, которая не должна раствориться в старых хрониках и забытых новостях. Давайте помнить их — помнить, что каждая из них жила, любила, надеялась и имела право на своё будущее.

Если после этой книги кому-то станет труднее отвернуться от чужого страха, назвать насилие «семейным делом» или успокоить себя мыслью, что происходящее за закрытой дверью его не касается, значит, эта история рассказана не напрасно. Иногда между человеком, оставшимся один на один с насилием, и возможностью спастись оказывается кто-то, кто увидел чужую беду и не прошёл мимо.

Возможно, благодаря этому роману однажды какой-нибудь девочке или женщине не придётся спасать себя в одиночку.

Хелен Семоннэ

ГЛАВА 1. Обычный день

Лейла проснулась за несколько минут до будильника и сразу потянулась к телефону, чтобы выключить его, пока тот не разбудил девочек. Впрочем, в каникулы их трудно было поднять раньше десяти даже будильником.

Она немного полежала, глядя в потолок и перебирая в уме сегодняшние дела, потом встала, накинула халат и пошла на кухню. Там она открыла окно, впуская утреннюю прохладу, поставила чайник и достала из холодильника яйца, сыр и помидоры. Пока жарился омлет, сварила себе кофе и постояла у окна с чашкой в руках.

Двор уже просыпался. Где-то хлопнула дверца машины, дворник разматывал шланг, на соседнем балконе женщина вытряхивала полотенце. Солнце только добиралось до верхних этажей, но день обещал быть жарким.

Первой на кухне появилась Зара — босая, лохматая, в длинной футболке, которая когда-то принадлежала Лейле.

— Доброе утро.

Она поцеловала мать в щёку и, проходя мимо стола, стащила кусок сыра.

Лейла хлопнула её по руке.

— Сядь и ешь нормально.

— Я и так нормально ем.

— Зара.

— Всё, сажусь.

Замира пришла следом, щурясь от света. Налила себе воды, выпила почти весь стакан и только после этого села за стол.

— Ты чего такая? — спросила Лейла.

— Какая?

— Будто всю ночь вагоны разгружала.

— Я спать хочу.

— А раньше ложиться не пробовали?

Замира бросила взгляд на сестру, ища у неё поддержки.

— Мы фильм смотрели.

— Мы его почти досмотрели, — подключилась к разговору Зара.

— В половине третьего ночи.

Зара удивленно вскинула брови.

— Мам, откуда ты знаешь?

— Я мать. Я всё знаю.

— Это пугает.

Лейла сняла с плиты сковороду и разложила омлет по тарелкам.

— Ешьте.

Зара едва успела взяться за вилку, как взгляд её снова скользнул по лежащему рядом телефону, и рука сама потянулась следом.

— Убрала.

— Я только посмотрю.

— Что изменилось в мире за те семь минут, что ты не смотрела?

— Многое могло.

— Переживёт мир без тебя ещё десять.

Зара со вздохом положила телефон экраном вниз.

За завтраком они спорили о вчерашнем фильме. Зара утверждала, что всё поняла ещё к середине, Замира напонила, что половину фильма та провела в телефоне. На это Зара ответила, что одно другому не мешает. Лейла слушала их вполуха, допивала кофе и прикидывала, успеет ли перед встречей заехать ещё в одно место.

— Кстати, сегодня я поздно, — сказала она, взглянув на часы. — Сначала встреча, потом ещё дела.

— Насколько поздно? — спросила Зара.

— Не знаю. Часов в десять.

— Отлично.

Лейла посмотрела на неё поверх чашки.

— Что именно отлично?

— Ничего.

— Когда ты говоришь «отлично» таким голосом, мне сразу хочется всё отменить.

— Мам, нам четырнадцать.

— Вот именно.

— В четырнадцать люди уже...

— Даже не продолжай. Особенно ты.

Замира приснула от смеха, прикрывая рот ладонью.

— А я?

— А ты опаснее. Ты молчишь, когда что-нибудь придумываешь.

— Неправда.

— Я вас обеих четырнадцать лет знаю.

Зара с усмешкой скользнула взглядом в сторону сестры.

— Всё. Нас раскрыли.

— Давно, — сказала Лейла.

Лейла допила кофе, поставила чашку на стол и поднялась.

— Посуда ваша. Еда в холодильнике. Деньги есть?

— Есть.

— Телефоны зарядите. Если куда-нибудь пойдёте — напишите. И, пожалуйста, без приключений.

— Какие у нас могут быть приключения? — спросила Зара.

Лейла задержала на ней настороженный взгляд, слишком хорошо зная, чего обычно стоила такая невинность дочери.

— После таких вопросов мне совсем не хочется уходить.

— Мам.

— Ладно. Верю. Почти.

Она отнесла чашку в мойку и ушла переодеваться.

Вскоре Лейла вернулась на кухню уже в светлых брюках и рубашке в мелкую сиреневую полоску, волосы были собраны на затылке в красивый узел. Сумка свободно висела у неё на плече, телефон она держала в руке. В прихожей Лейла обулась, проверила что-то в сумочке и вдруг снова заглянула на кухню.

— Вечером напишите, где вы.

— Ты уже говорила, — напонила Зара.

— Значит, слышали два раза.

Лейла уже направилась к двери, но на пороге обернулась и послала девочкам по воздушному поцелую.

— Пока.

— Пока, мам.

— Удачи на встрече, — сказала Замира.

— Спасибо.

Девочки слышали, как в прихожей щёлкнул замок и за Лейлой закрылась входная дверь.

Оставшись вдвоём, они ещё немного посидели за столом. Зара наконец взяла телефон и стала проверять всё то, до чего мать не дала ей добраться во время завтрака.

— Ну и? — спросила она.

— Что?

— Что будем делать?

Замира неопределенно повела плечами.

— Не знаю.

— Прекрасно. Целый день впереди, а у тебя ни одной идеи.

— А у тебя?

— Можно в центр съездить.

— Жарко.

— В кино?

— Мы до половины третьего фильм смотрели.

— Фильм дома и кино — разные вещи.

— Железная логика.

— Тогда предлагай сама.

Замира собрала тарелки и отнесла их к мойке.

— Можно к Амине.

— Она у бабушки.

— Точно.

— На пляж?

— Не хочу.

— Ты сегодня ничего не хочешь.

— Потому что ты предлагаешь ерунду.

— Хорошо. Предложи не ерунду.

Замира включила воду и стала мыть тарелки.

— Давай куда-нибудь съездим.

— Куда?

— Не знаю. Просто куда-нибудь.

— Содержательно.

Зара снова вернулась к телефону.

Замира поставила последнюю тарелку сушиться, вытерла руки и отвлеклась на шум за окном. Во дворе мужчина пытался усадить маленького мальчика в машину. Малыш вырывался, он его ловил, оба задорно смеялись, и отец что-то ему обещал. Наконец мальчик позволил себя усадить в детское автокресло и пристегнуть, но тут же потребовал открыть окно. Замира смотрела на них, пока машина не выехала со двора.

— Слушай, — сказала Зара, не отрываясь от телефона.

— Что?

Зара многозначительно оторвала глаза от телефона, поглядывая то на Замиру, то назад в свой телефон, потом положила его на стол и сказала куда-то в сторону.

— А давай к Маге съездим.

Замира как раз думала об их отце ещё секунду назад, наблюдая за мальчиком с папой. Она резко обернулась и, если бы Зара посмотрела на неё сейчас, она бы заметила огромное удивление на лице сестры: *как ты могла знать про это?*

— К Маге?

— Ну да.

— Зачем?

— Посмотреть.

— На него?

— Нет, на дом, — усмехнулась Зара. — Конечно, на него.

Замира смотрела на сестру, пытаясь понять, всерьёз ли та это предлагает.

— Ты серьёзно?

— А что такого?

— Мы его никогда не видели.

— Вот именно.

Зара выскользнула из-за стола и направилась к окну.

— Ты вообще знаешь, где он живёт? — спросила она.

Замира замялась, чем немедленно выдала себя перед проницательной сестрой.

— Примерно.

— В смысле?

— Я находила.

— Что находила?

— Где он живёт.

Зара уставилась на неё, коснулась пальцами её лица и немного повернула к себе:

— Серьёзно? Тихоня! И молчала?

— А что я должна была сказать? «Привет, я нашла нашего папочку»? — ответила, кривляясь, Замира.

Они никогда не называли его ни отцом, ни папой или ещё как-то. Для них он всегда был Магой. Лейла отвечала на вопросы, если девочки спрашивали, но сама о нём почти не говорила. Всё остальное девочкам приходилось додумывать самостоятельно.

— Замир, ну расскажи, где ты нашла его адрес? Покажи его.

Замира не торопилась с ответом. Ей явно нравилось, что на этот раз Зара ждёт продолжения и ничего не может узнать раньше, чем она сама решит рассказать.

— Ладно. Я дома искала флешку и нашла мамину старую. Там оказались сканы каких-то документов и мамин старый паспорт тоже, который она давно поменяла. В нём была страница с маминной регистрацией в ауле, когда нас ещё на свете не было.

Замира взяла телефон, нашла то, что когда-то сохранила, и протянула сестре.

Зара посмотрела на экран.

— Это далеко?

— Не знаю. Посмотри по карте.

Зара уже открывала навигатор.

— Мама нас убьёт, — сказала Замира.

— Она не узнает.

— Конечно. Мы поедем чёрт знает куда к человеку, которого никогда в жизни не видели, и мама совершенно случайно об этом не узнает.

— А кто сказал, что мы будем к нему подходить?

— А зачем тогда ехать?

— Посмотрим издали и обратно.

— Зара...

— Что?

— Не знаю.

— Вот именно. Ты никогда не знаешь, пока не увидишь.

— А если он нас увидит?

Зара лишь беспечно повела плечом.

— Он вообще знает, как мы выглядим?

Замира помолчала, пытаясь представить, откуда у Маги могли взяться их фотографии.

— Наверное, нет.

— Значит, не узнает.

— А если узнает?

— Тогда уедем.

Замира, однако, не спешила соглашаться.

— Тебе правда хочется его увидеть?

— А тебе нет?

Замира опустила глаза к полу, словно ей неловко было признаться даже сестре.

— Хочется.

— Ну вот.

— Это плохая идея.

— Возможно.

— Очень плохая.

— Тогда почему ты не против поехать?

Замира только развела руками:

— Потому что ты уже всё решила.

— Ничего я не решила.

— Конечно.

Зара перевела взгляд на открытый в телефоне маршрут, ещё раз пробежав его глазами.

— Просто съездим, посмотрим и обратно.

— Не подходим?

— Не подходим.

— Не разговариваем?

— Если не захотим.

— Нет, — теперь уже сказала Замира. — Вообще не разговариваем.

Зара хихикнула: сестра, ещё недавно сомневавшаяся в самой поездке, теперь уже устанавливала правила.

— Хорошо. Не разговариваем.

— Посмотрели и уехали.

— Да.

Замира придвинулась к сестре и заглянула в экран телефона — ей очень хотелось ещё раз убедиться, что всё действительно можно будет закончить так просто.

— И если мне хоть что-нибудь не понравится — сразу домой.

— Сразу.

— И маме не говорим.

Зара взглянула на сестру, и они обе прекрасно поняли друг друга.

— Это даже не обсуждается.

Замира рассмеялась.

— Хотя она всё и так знает.

— Сама сегодня сказала, — напомнила Зара.

Через час квартира опустела: девочки уже были в дороге.

Глава 2. Дорога в горы

Первые сорок минут Замира не могла отделаться от мысли, что они совершают глупость. Зара, напротив, держалась за рулём уверенно и не сомневалась, что всё идёт именно так, как они задумали.

— Мы ещё можем вернуться, — сказала Зара, когда город окончательно остался позади.

— Можем.

— И?

Зара покосилась на сестру.

— Что «и»?

— Вернёмся?

— Нет.

— Тогда зачем ты соглашаешься, что можем?

— Мы же можем. Просто не будем.

При этом Замира закатила глаза и отвернулась к окну, всем своим видом показывая, что продолжать этот спор бессмысленно.

Так было всегда. Зара родилась на десять минут раньше и каким-то непостижимым образом сумела превратить эти десять минут в пожизненное право принимать решения за них двоих. В детстве всё сводилось к короткому «я старше». Замира неизменно напоминала: «На десять минут», — но Зару эта арифметика нисколько не смущала.

С годами изменился только масштаб решений. Когда-то она первой лезла на дерево и выбирала кровать у окна. Теперь могла за завтраком сказать: «А давай съездим к нему?» — и через несколько часов они уже ехали в горы к человеку, которого никогда в жизни не видели.

На машине, брать которую им никто не разрешал, и без водительских прав.

Им было по четырнадцать.

Если сложить эти обстоятельства вместе, затея начинала выглядеть значительно хуже, поэтому Зара предпочитала рассматривать их по отдельности.

— До сих пор не верю, что ты это сделала, — сказала Замира.

— Что именно?

— Взяла машину.

— Она стояла.

— Очень убедительно. Особенно для полиции.

Зара криво усмехнулась.

Машина принадлежала компании, где работала мама. Служебный седан, на котором её обычно возил водитель. Номера были из тех, которые в городе узнавали: не дипломатические и не полицейские, но достаточно приметные, чтобы дорожные инспекторы без особой необходимости предпочитали такую машину не останавливать. Сегодня водитель был в отпуске, маму утром забрал коллега, а седан стоял возле дома. Ключи лежали на привычном месте, и Зара прекрасно знала, где.

Утром Замира застала сестру уже с ключами в руке и оценивающе уставилась на неё, всё ещё надеясь, что та просто решила переставить машину.

— У тебя нет прав.

— Я знаю.

— Тогда что ты делаешь?

— Беру машину.

— Я вижу. Зачем?

— Чтобы ехать.

— Зара! Ты ненормальная.

— Возможно.

— Ты даже одна по городу не ездила.

— Ездила с мамой.

— С мамой!

— И за городом ездила.

— Когда она сидела рядом.

Зара не стала продолжать спор. Всё, что Замира говорила, было правдой, но ни один из этих доводов уже не мог изменить её решения. Осталось выяснить только одно:

— Ты остаёшься?

Замира помолчала.

— Нет.

На этом спор закончился.

Теперь машина ровно держала дорогу, город остался позади, ничего страшного не происходило, и с каждым километром Зара чувствовала себя увереннее.

— Видишь? Нормально еду.

— Я ничего не говорила.

— Ты всю дорогу держишься за дверь.

Замира посмотрела на свою слегка затёкшую руку и отпустила ручку.

— Мне так удобно.

Она сидела за рулём в белых джинсах и светлой шёлковой блузке — наряде, совершенно непрактичном для поездки в горы и потому очень на неё похожем. Зара любила хорошо одеваться не ради чужого взгляда. Она замечала оттенки, форму, пропорции, могла долго стоять перед шкафом не потому, что нечего надеть, а потому, что среди нескольких подходящих вещей всегда находилась одна-единственная верная.

Утром Замира застала её крутящейся перед зеркалом.

— Мы едем в аул, если ты забыла.

— И что?

— Там никто не оценит.

Зара поправила серьгу и, убедившись, что застёжка держится, убрала волосы за ухо.

— Я не для них одеваюсь.

Ей нравилось хорошо выглядеть, нравилось ощущение, что всё находится на своём месте. Возможно, в этом тоже проявлялся её характер: мир мог оказаться каким угодно, но хотя бы то, что зависело от неё, должно было быть устроено правильно.

До гор было ещё далеко.

До отца — ещё дальше.

* * *

Отец был единственным человеком в их семье, которого они не знали совсем.

У других за этим словом стояло хоть что-нибудь: лицо, голос, привычки, запах одеколона, фотография в телефоне, воспоминание о том, как он учил кататься на велосипеде или однажды пришёл на школьный концерт. У Зары и Замиры не было ничего, кроме имени, названия далёкого аула и маминого страха.

Маме было тридцать два. Она родила их совсем молодой, и теперь, когда девочкам исполнилось четырнадцать, разница между их возрастом и её тогдашним вдруг перестала казаться огромной. Ещё несколько лет — и они будут примерно того же возраста, в котором мама уже встретила их отца, уехала с ним, забеременела, а потом сбежала, нося под сердцем двух девочек.

Именно «сбежала» однажды сказала бабушка. Тот разговор почти сразу оборвали, однако случайно сказанное бабушкой слово Зара запомнила.

Мама никогда не рассказывала, как всё произошло: кто помог ей выбраться, были ли у неё деньги, куда она поехала сначала, знал ли отец, где её искать. Пока девочки были маленькими, они задавали простые вопросы и соглашались на простые ответы.

— Мам, а где наш папа?

- Далеко.
- Насколько далеко?
- Достаточно.
- Он знает про нас?

Прежде чем ответить, мама неизменно делала короткую паузу, словно даже этот простой вопрос требовал осторожности.

- Знает наверняка.
- А почему никогда не приезжал?
- Потому что так лучше.

С возрастом «потому что так лучше» перестало их устраивать.

Однажды Зара всё-таки решилась задать вопрос, который давно не давал ей покоя:

- Ты его боишься?

Мама не ответила, но по тому, как быстро изменился её взгляд и с какой тревожной внимательностью она посмотрела на дочь, Зара поняла, что попала в самое больное место.

Зара больше не спрашивала.

* * *

Замира первой заметила, что они съезжают с маршрута.

- Нам не сюда.
- Нам сюда.
- Навигатор показывает прямо по трассе.
- Я вижу.

Зара уже включила поворотник. Основная трасса уходила вперёд; несколько машин начали сбрасывать скорость, за дорожными знаками показалась крыша поста ДПС.

Замира проследила за взглядом сестры и тоже заметила впереди пост.

- Может, нас вообще не остановят.
- А может, остановят.
- С такими номерами?
- И что я скажу, если попросят права?

Замира замолчала, пытаясь придумать хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение.

- Что забыла дома?

Зара отвлеклась от дороги и одарила сестру скептическим взглядом.

- А потом попросят паспорт.
- Я просто предложила.
- Поэтому едем здесь.

Не дожидаясь, пока они подъедут ближе к посту, Зара свернула направо, на уходившую в сторону второстепенную дорогу.

Навигатор немедленно потребовал развернуться через четыреста метров.

- Он хочет обратно.
- Переживёт.
- Ты знаешь эту дорогу?
- Немного.

Это было преувеличением. Зара знала лишь, что объезд существует. Когда-то они ехали здесь с мамой: на основной трассе образовалась огромная пробка, и водитель свернул через какие-то сёла. Мама тогда сказала, что местные часто пользуются этой дорогой. В ту поездку Зара почти не смотрела по сторонам и дороги не запомнила, но сейчас, увидев впереди пост ДПС, вспомнила тот поворот.

Навигатор ещё дважды настойчиво предлагал вернуться, потом смирился и перестроил маршрут. На экране вместо широкой трассы появилась тонкая дорога через несколько небольших населённых пунктов. Время прибытия увеличилось почти на полчаса.

- Поздравляю, — сказала Замира. — Тридцать две лишние минуты.
- Зато поездка не закончится у первого дэпээсника.
- А если закончится, нас куда отвезут?
- Понятия не имею.
- Очень успокаивает.
- Поэтому я и не хочу проверять.

Сначала дорога была вполне приличной, потом стала уже. Исчезло разделительное ограждение, реже попадались заправки, вместо больших магазинов вдоль обочины потянулись частные дома, маленькие лавки и сады.

Они проехали одно село, потом другое. Возле остановки женщины продавали фрукты в пластиковых ведёрках, мальчишки гоняли мяч почти у самой дороги. На перекрёстке старый трактор заставил Зару сбросить скорость почти до пешеходной.

- Вот она, твоя секретная трасса, — засмеялась Замира.
- Зато без постов дэпээс.
- Пока.
- Не каркай.

На следующей развилке навигатор снова предложил более быстрый путь к основной дороге. Можно было выиграть девять минут. Зара посмотрела на экран, вспомнила пост ДПС и выбрала продолжение текущего маршрута.

- Ты теперь вообще не собираешься возвращаться на трассу?
- Пока можно ехать здесь — нет.
- Зара, нас не разыскивает Интерпол.
- Пока.

Замира повернулась к сестре и взглянула на неё, не находя слов.

- Особенно мне нравится это твоё «пока».

Зара закатилась от смеха, увидев выражение лица сестры.

Логика Зары была проста: на большой трассе их могли остановить ради обычной проверки документов, а здесь среди старых автобусов, грузовичков и местных легковушек никому до них не было дела. Чем дальше они ехали, тем сильнее ей казалось, что самый рискованный момент поездки уже позади.

* * *

Постепенно селения стали попадаться реже, пространство вокруг открылось, и впереди появились горы.

Из города они всегда казались далёкими и почти плоскими — красивой линией на горизонте. Здесь всё было иначе. Дорога шла прямо к ним, сначала между полями, потом среди невысоких холмов, выгоревших под летним солнцем до густого золотистого цвета. По обочинам колыхалась сухая трава, кое-где среди неё белели мелкие цветы.

Сначала из открытого окна тянуло тёплой пылью. Потом воздух стал прохладнее, и в нём появились запахи хвои, нагретого камня и воды.

На одном из поворотов Замира вдруг выпрямилась.

- Остановись.
- Зачем?
- Посмотри.

Справа открылось ущелье. Далеко внизу блестела река, похожая отсюда на серебряную ленту. По обе стороны поднимались покрытые лесом склоны, а дальше один за другим уходили в голубоватую дымку горные хребты.

У обочины нашёлся небольшой карман, и Зара свернула туда.

- Пять минут.
- Конечно. Пять.

Они вышли из машины, и ветер сразу ударил в лицо — прохладный, сильный, пахнувший травой, соснами и водой.

Замира тут же потянулась за телефоном, чтобы снять открывшийся перед ними пейзаж.

— Ты можешь хотя бы один раз просто посмотреть?

— Я смотрю.

— Через экран.

— Потом ещё посмотрю.

Зара подошла к ограждению. Ветер вздул лёгкий шёлк на спине, растрепал волосы. Она машинально пригладила их и сняла солнцезащитные очки.

Замира лишь усмехнулась, явно не поверив, что сестра действительно оторвётся от экрана.

— Даже здесь?

— Что?

— Ничего.

Зара поняла и толкнула её плечом.

— Завидуй молча.

Внизу шумела река. Отсюда звук едва доходил — только из глубины ущелья поднимался ровный далёкий гул.

— Мама здесь жила, — сказала Замира.

Зара согласно кивнула, не отрывая взгляда от реки.

Представить это было трудно. Их мама — городская, быстрая, собранная — когда-то ходила по этим дорогам совсем молодой девушкой.

— Думаешь, она его любила?

— Наверное.

— Почему «наверное»?

Зара в ответ лишь слегка повела плечами.

— А зачем ещё она сюда приехала?

Замира призадумалась.

— Может, её заставили.

— Кто?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Они снова посмотрели на ущелье, где дорога терялась между горными склонами.

— А если он совсем не такой, каким она его помнит? — спросила Замира.

— В смысле?

— Четырнадцать лет прошло. Люди меняются. Может, тогда он был одним человеком, а сейчас другой.

— Может.

— Может, он вообще нормальный.

Зара оторвала от созерцания дороги и с любопытством окинула сестру взглядом.

— Ты хочешь, чтобы он оказался нормальным?

— Конечно.

— Почему?

Замира задумалась, словно и сама никогда не задавала себе этот вопрос, на который ответа у неё так и не было.

— Не знаю.

Но объяснять не требовалось. Гораздо проще было приехать и увидеть обычного человека, чем убедиться, что мама все эти годы боялась не зря.

* * *

Примерно через час дорога спустилась к реке, и теперь вода шла почти рядом.

С высоты река была похожа на тонкую серебряную ленту, но вблизи поражала силой и скоростью. Холодная вода неслась между огромными серыми валунами, вскипала на перекатах, разбивалась о камни, а там, где течение ненадолго успокаивалось, становилась прозрачной, с зеленовато-синим оттенком. На противоположном берегу почти от самой воды начинался лес.

Вдоль дороги иногда попадались небольшие гостиницы и кафе. Деревянные беседки стояли прямо над рекой, а между деревьями кое-где висели разноцветные гамаки.

Замира провожала их глазами.

— Нет, — сказала Зара.

— Я ничего не сказала.

— Я тебя знаю.

— Я хочу есть.

— Мы завтракали.

— Это было давно.

— Три часа назад.

— Для подросткового организма это вечность.

Через несколько километров показался ещё один ресторанчик. Небольшая деревянная вывеска стояла у дороги, от неё вниз, к реке, уходила узкая дорожка.

Замира молча показала пальцем.

— Пятнадцать минут, — сдалась Зара.

Ресторан оказался почти пустым. Несколько деревянных столов стояли под огромными деревьями, остальные — на помосте над самой водой. Они выбрали место у края.

Прежде чем сесть, Зара провела ладонью по скамье.

Замира с ухмылкой бросила сестре:

— Серьёзно?

— У меня белые джинсы.

— Ты сама надела их в горы.

— Я не знала, что горы объявят им войну.

Замира рассмеялась и присела за столом напротив сестры.

Река протекала так близко, что брызги долетали до нижних досок. Здесь было прохладно, а от мангала между деревьями тянуло дымом и жареным мясом. На шампурах шипел шашлык, жир падал на угли, и пламя каждый раз коротко вспыхивало.

Официант принёс чай, горячий хлеб, сыр, зелень и помидоры. Потом поставил перед ними блюдо с мясом, нарезанный лук и несколько соусов.

Замира посмотрела на только что принесённую еду. От горячего мяса ещё поднимался пар, пахло печёными баклажанами и свежей зеленью, рядом лежали румяные лепёшки, и от одного их запаха вдруг стало ясно, насколько она проголодалась.

— Мы же на пятнадцать минут.

— Это ты хотела есть.

— Я просто фиксирую изменение плана.

Замира отломил край ещё горячей лепёшки и тут же отправила его в рот.

— Если нас всё-таки арестуют, хотя бы не голодными.

— Никто нас не арестует.

— Ты угнала служебную машину.

— Я не угнала.

— Взяла без разрешения.

— Временно.

— В четырнадцать лет. Без прав. И увезла меня в горы.

Зара последовала её примеру и тоже взяла со стола хлеб.

— Ты могла остаться дома.

— Теперь уже поздно. Я соучастник.

Они засмеялись, довольные своей перепалкой.

Несколько минут об отце вообще не говорили. Ели горячее мясо, обмакивали хлеб в соус, спорили, какой вкуснее. Замира попробовала самый острый, закашлялась и схватилась за воду, а Зара смеялась, пока сестра не пригрозила вылить на неё стакан.

На камне посреди реки сидела маленькая птица. Замира потянулась за телефоном, но птица улетела, прежде чем она успела открыть камеру.

— А вдруг он нас не захочет видеть? — неожиданно спросила она.

Улыбка постепенно сошла с лица Зары: за всей её бравадой этот вопрос всё-таки оставался для неё открытым.

— Тогда уедем.

— Вот так?

— А что ещё?

— Не знаю.

Зара не нашлась с ответом сразу и молча смотрела на стол перед собой, словно впервые пыталась сформулировать это не для Замиры, а для себя самой.

— Мы же ничего от него не хотим.

Замира обхватила чашку ладонями и задумчиво повернула её на столе, прежде чем задать следующий вопрос.

— И правда ничего?

— В смысле?

— Вообще ничего?

Зара уставилась на сестру, пытаясь понять, к чему та ведёт:

— Я хочу узнать.

— Что?

— Почему.

Почему он никогда не приезжал. Почему мама сбежала. Почему четырнадцать лет в их доме нельзя было спокойно произнести его имя. Почему у них был живой отец, а росли они так, будто его не существовало.

Замира кивнула, обдумывая вопрос сестры:

— Я тоже.

* * *

После ресторана туристические места вскоре закончились. Исчезли гостиницы и беседки над водой, дорога сузилась, асфальт местами был разбит. В одном месте путь перегородило стадо овец, и несколько минут они медленно ехали за серыми спинами животных, пока пастух не отогнал их к обочине.

Потом было ещё одно маленькое селение: каменные дома, низкие заборы, магазин и несколько мужчин у входа. Когда машина проехала мимо, разговор на секунду стих.

Замира первой обратила внимание на взгляды, которые то и дело задерживались на них и на машине.

— На нас смотрят.

— На машину.

— Почему?

— Потому что чужая.

— Мы тоже чужие.

Зара промолчала, но теперь и сама стала замечать эти взгляды. В городе можно было годами жить рядом с человеком и не знать его имени. Здесь замечали всё: незнакомое лицо, машину, номер, кто приехал и в какую сторону поехал.

Вскоре девочки обнаружили ещё одну неприятность: чем выше они поднимались, тем хуже становилась связь. Сначала интернет начал загружать карту рывками, потом исчез совсем.

— У тебя работает? — спросила Замира.

— Нет.

— А навигатор?

— Маршрут уже загружен.

Мобильный сигнал окончательно пропал.

Теперь Замира машинально поглядывала на экран телефона, проверяя, не появилась ли связь.

— Вообще ничего.

— У меня тоже.

— Надолго?

— Откуда я знаю?

Последний поворот они едва не пропустили. Навигатор велел свернуть с основной дороги на узкую каменистую, уходящую вверх.

— Сюда? — спросила Замира.

— Он говорит, сюда.

— Это вообще дорога?

— Сейчас узнаем.

Асфальт закончился почти сразу. Машину начало потряхивать; с одной стороны поднимался склон, с другой открывалась долина, а река осталась далеко внизу.

За очередным поворотом появился старый выцветший знак с названием того самого аула.

Зара немного сбавила скорость. Обе молча смотрели на табличку, пока она не проплыла мимо и не осталась позади.

Четырнадцать лет это название существовало где-то отдельно от их жизни — в фантазиях, которыми сёстры делились по ночам. Теперь оно оказалось блёклым словом на старом дорожном знаке.

За ним начинался обычный горный аул. Дома, сады, виноград над дворами, дети на дороге, женщина с пакетом из магазина. Где-то пахло дымом и жареным мясом.

От обыденности и обыкновенности картинки Зара почувствовала облегчение. Она сама не знала, чего ожидала. Наверное, чего-нибудь такого, что сразу объяснит мамин страх. Но вокруг жили люди, лаяли собаки, сохло бельё, дети гоняли мяч.

У небольшого магазина сидели несколько мужчин. Когда машина приблизилась, один посмотрел сначала на номера, потом на Зару за рулём и что-то сказал сидевшему рядом.

— Может, спросить адрес? — предложила Замира.

— Карта ведёт.

Навигатор показывал ещё восемьсот метров, потом пятьсот, триста. Дома стояли всё дальше друг от друга, за высокими каменными заборами виднелись деревья и крыши. За одним из ворот яростно залаяла собака, и Замира вздрогнула.

Наконец на экране появилось сообщение о прибытии. Зара резко остановила машину.

Справа от них выросли высокие тёмные ворота. Каменная стена уходила в обе стороны, из-за неё виднелись крыша большого дома и верхушки деревьев.

— Это здесь?

Зара ещё раз сверилась с адресом.

— Здесь.

Они не спешили покидать безопасность салона. Пока ехали, всё было просто: добраться, не попасться полиции, не заблудиться, найти нужный поворот. Теперь все эти маленькие задачи закончились.

За воротами находился человек, ради которого они проделали весь путь. И вот на этот случай Зара ничего не придумала.

— Что мы скажем? — спросила Замира.

— Правду.

— Сразу?

— А что ещё?

Замира остановила взгляд на закрытых воротах, за которыми мог находиться их отец, встречи с которым они ждали.

— Может, сначала спросим, здесь ли он живёт.

— Спросим.

— А потом?

— Замир, я не знаю.

Слова прозвучали резче, чем Зара хотела. Повернувшись к сестре, она наконец заметила то, что прежде не хотела замечать: Замира действительно боялась.

— Послушай. Мы просто посмотрим. Если что-то не понравится — садимся и уезжаем.

— Обещаешь?

— Конечно.

Замира не стала больше спрашивать и лишь опасливо кивнула, хотя сомнение на её лице никуда не исчезло.

Зара выключила двигатель и перед тем, как открыть дверь, машинально взглянула в зеркало. Поправила ворот блузки, провела рукой по волосам.

Замира не сводила глаз с сестры.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

— Мы сейчас впервые увидим отца, а ты проверяешь волосы.

Зара нехотя захлопнула крышку зеркала.

— Тот самый повод! Пошли.

* * *

После кондиционера воздух показался горячим и сухим. В траве стрекотали кузнечики, за стеной кричали птицы.

У самых щиколоток белые джинсы Зары покрылись дорожной пылью. Она машинально провела ладонью по ткани и только размазала сероватый след.

— Отлично.

— Что?

— Ничего.

Рядом с калиткой, на металлическом каркасе добротных ворот, виднелась небольшая кнопка звонка. Зара протянула к ней руку, но в последний момент замерла, так и не коснувшись кнопки.

— Ну? — тихо сказала Замира.

— Сейчас.

— Ты же не боишься.

— Замолчи.

Зара наконец решилась и коротко нажала кнопку.

Из глубины двора послышалась трель звонка. Мгновенно во дворе хрипло залаяла собака.

Замира придвинулась к сестре, явно чувствуя себя рядом с ней в большей безопасности.
— Только не говори, что боишься собак.

— Я не боюсь собак. Я боюсь вот эту.

Послышались шаги, щёлкнул замок. Калитка приоткрылась, и на улицу выглянула женщина лет пятидесяти в тёмном платье и платке, завязанном на затылке.

Она посмотрела на девочек, затем на машину и уставилась на номерной знак:

— Вам кого?

Зара назвала имя отца, внимательно следя за лицом женщины и пытаясь понять, знакомо ли оно ей.

Женщина ещё раз оглядела обеих девочек, теперь уже внимательнее, пыталась отыскать в их внешности что-то знакомое.

— А вы кто?

Всю дорогу Зара была уверена, что скажет сразу: мы его дочери. Но теперь слова никак не выходили.

— Нам нужно с ним поговорить.

— По какому делу?

— Личному.

— Он вас знает?

По лицу Замиры скользнула растерянная усмешка, в которой тревоги было куда больше, чем веселья.

— Вряд ли.

Женщина нахмурилась и уже чуть подалась назад, касаясь двери калитки. Зара поняла: если сейчас ничего не сказать, разговор закончится.

— Скажите, что приехали Зара и Замира.

— Откуда?

— Из города.

Женщина не уходила, и по её настороженному лицу было видно, что она ждёт объяснений.

— Он поймёт, — добавила Зара.

На самом деле Зара понятия не имела, что он подумает, услышав их имена.

— Подождите.

Женщина скрылась во дворе, и калитка за ней захлопнулась.

Едва они остались одни, Замира прошептала:

— «Он поймёт»?

— А что мне надо было сказать?

— Не знаю. Но уверенно прозвучало.

Оставалось только ждать. По улице медленно прошёл старик, поздоровался и, миновав машину, обернулся.

— Здесь правда все смотрят, — прошептала Замира.

Не успела Зара ответить, как внутри что-то лязгнуло. Большая створка тяжёлых ворот начала медленно отъезжать.

За открывшимися воротами их ждала та же женщина.

— Заезжайте.

Сёстры нерешительно переглянулись.

— Понял, — тихо сказала Замира.

На этот раз Зара промолчала.

* * *

Двор оказался большим и неожиданно красивым. Светлый двухэтажный дом, отделанный дорогим травертином, стоял чуть в глубине, справа начинался сад с яблонями, абрикото-

сами и старыми ореховыми деревьями. Виноград закрывал часть двора плотной зелёной крышей, под которой стоял длинный деревянный стол. На мраморном подоконнике первого этажа спал рыжий кот, возле стены притулился детский велосипед; дальше в глубине заднего двора у хозяйственной части сушилось бельё.

Всё во дворе выглядело ухожено и дорого, но при этом казалось настолько обыденным, что напряжение понемногу отпустило Зару.

Она не знала, что должно было быть за этими воротами. Но уж точно что-нибудь более тёмное и трагичное, подходящее для человека, которого мама боялась четырнадцать лет.

— Сюда, — показала женщина.

Зара припарковала машину в тени, всё время поглядывая в окно, чтобы ни на что не наехать.

У крыльца лежала большая лохматая собака. Увидев людей, она подняла голову и равнодушно посмотрела на гостей. По её тяжёлым неторопливым движениям было понятно, что свою службу она давно завершила, а сейчас в основном просто спит и ест.

Замира приостановилась.

— Не бойтесь, — сказала женщина. — Не тронет.

— Я не боюсь.

Зара хмыкнула, но комментировать не стала.

Девочек усадили за стол под виноградом. Через минуту на нём появился хрустальный графин холодной воды.

— У меня сейчас сердце выпрыгнет, — прошептала Замира.

— Не выпрыгнет.

— Откуда знаешь?

— Я старше.

Замира обречённо взглянула на сестру.

— На десять минут.

Зара уже собиралась ответить, когда открылась дверь дома.

На крыльцо вышел мужчина средних лет, и девочки узнали его сразу. Не потому, что знали его лицо. Они увидели в нём что-то своё — линию бровей, подбородок, форму носа. Не сходство целиком, а отдельные черты, которые до этой минуты принадлежали только им.

Он был высоким, широкоплечим, с короткими тёмными волосами и первой сединой у висков. На нём была надета светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами и парусиновые брюки в тон рубашки.

Мужчина спустился с крыльца и остановился.

Зара ожидала чего угодно — пристального взгляда, вопросов, недоверия. Но на его лице была растерянность, почти беспомощная и оттого особенно неожиданная. Он внимательно смотрел на них и наконец спросил:

— Зара?

Зара неохотно поднялась.

— Да.

Он взглянул в сторону Замиры.

— Значит, ты — Замира.

Он уже не спрашивал, скорее убеждался. Замира тоже привстала.

— Какая неожиданная логика, — тихо прошептала Зара.

Мужчина выдохнул, будто только теперь позволил себе это.

— Надо же...

Несколько минут все молчали. Потом он улыбнулся — осторожно, словно не был уверен, как они примут даже эту улыбку.

— Я представлял вас другими.

— Какими? — спросила Зара.

— Маленькими.

Замира не сдержалась и рассмеялась:

— Нам четырнадцать.

— Я вижу.

Он снова посмотрел на девочек и после короткой паузы спросил:

— Можно?

Смысл его жеста дошёл до Зары не вполне. Мужчина слегка развёл руки, но остался на месте. Замира взглядом искала одобрения сестры, но та только пожала плечами.

Первой решилась Замира и медленно подошла к нему. Мужчина обнял её осторожно и ненадолго. Потом так же обнял Зару, не пытаясь удержать.

— Присаживайтесь, — сказал он. — Что же вы стоите.

Он сел напротив и молча всматривался в дочерей, не скрывая интереса.

— Похожи.

— Мы близняшки, — сказала Замира.

По его лицу скользнула улыбка.

— Это я знаю.

— Откуда?

До этого Зара больше слушала и присматривалась к нему, почти не вмешиваясь в разговор, но теперь насторожилась.

— Вы знали, что нас две?

— Знал.

— И когда мы родились тоже знали?

Пауза была совсем короткой.

— Да.

— Откуда?

— Узнал.

— Как?

Теперь она уже не отводила от него глаз. Ещё минуту назад разговор казался почти обычным, но уклончивые ответы отца вернули ей то чувство, с которым она входила в этот двор: слишком многое в его прошлом с мамой оставалось неизвестным, чтобы можно было удовлетвориться одним словом.

— Зара, — тихо сказала Замира, почувствовав, что сестра опять готова идти на пролом.

— Что? Мы же за этим приехали.

Мужчина посмотрел на неё внимательнее.

— Ты всегда сразу спрашиваешь то, что хочешь знать?

— А зачем спрашивать другое? Тем более, когда мне вместо ответа дают одно слово.

В уголках его губ мелькнула улыбка.

— Тоже верно.

— Мама говорит, что не всегда.

При упоминании матери его лицо едва заметно изменилось.

— Ваша мама умная женщина.

Зара ожидала чего угодно, только не этого.

— Вы так считаете?

— Считаю.

— Тогда почему она от вас сбежала?

Замира перестала улыбаться.

Мужчина не отвёл глаз, но, прежде чем ответить, взял со стола стакан и сделал большой глоток воды.

— Она сама вам так сказала?

— Нет. Бабушка.

Мужчина коротко кивнул.

— Ваша мама была очень молодой.

— Ей было семнадцать.

— Да.

— Почти как нам.

— В вашем возрасте три года — это много.

— Не очень.

Он посмотрел на неё так, как взрослые иногда смотрят на детей, уверенных, что уже всё поняли.

— Когда тебе будет семнадцать, скажешь ещё раз.

Заре это совсем не понравилось.

— Так почему она сбежала?

— Потому что это история между мной и вашей матерью. И я не хочу в первый же день рассказывать её вам так, чтобы она оказалась виноватой, а я — правым.

Зара напряглась: спокойствие, с которым он это произнёс, насторожило её сильнее, чем сами слова.

— Я могу рассказать свою версию, — продолжил он. — Она свою. Вы будете сидеть между нами и решать, кому верить. Зачем вам это сегодня?

— Я хочу знать правду.

— Узнаешь.

— Когда?

— Не всё сразу.

Сказано было спокойно, почти ласково, но решение он уже принял за неё. Зара это почувствовала и нахмурилась.

— Вы нас искали? — спросила Замира.

Он обратил взгляд на Замиру и молча изучал её, решая, стоит ли продолжать этот разговор.

— Искал.

— Мама говорила, что нет.

Он спрятал глаза, и впервые за весь разговор в его уверенности появилась едва заметная трещина.

— Значит, у неё были причины говорить вам именно так.

— Какие?

— Об этом лучше спросить её.

Зара почувствовала, как раздражение снова поднимается внутри, и не сдержалась:

— Удобно.

Он встретился с ней глазами, а потом вдруг усмехнулся — без обиды, скорее с неожиданным для неё одобрением.

— Удобно. Но если я сейчас начну доказывать вам, что ваша мать четырнадцать лет вас обманывала, ты первая встанешь и уйдёшь.

Зара уже открыла рот, чтобы возразить, но подходящих слов не нашлось. Рядом с ней едва слышно хмыкнула Замира, явно довольная тем, что сестре наконец нечего сказать.

— Не помогай ему, — тихо прошептала ей Зара.

Мужчина улыбнулся, заметив её реакцию.

— Одну из вас я уже начинаю понимать.

— Не спешите.

— Хорошо. Не буду.

И снова уступил так легко, что Зара вдруг вспомнила, что всего минуту назад он так и не ответил на её вопрос.

* * *

Чай появился на столе незаметно, за ним фрукты, лепёшки и сыр. Разговор постепенно перестал напоминать допрос.

Отец спрашивал о школе, о городе, о том, чем они увлекаются. Замира отвечала охотнее, Зара больше слушала. Ей хотелось поймать что-нибудь — неправильный взгляд, случайную фразу, резкость, после которой можно было бы наконец сказать себе: вот почему.

Но ничего такого не происходило.

— А вы чем занимаетесь? — спросила Замира.

— Хозяйством. Землёй. Лошадьми. Есть строительная фирма в районе.

Он рассказал немного, без подробностей, а потом спросил:

— Как вы доехали?

Сёстры переглянулись.

— На машине, — сказала Замира.

Он задержал на Замире взгляд, словно только теперь понял, насколько внимательно девочки слушают каждое его слово.

— Это я уже заметил.

Зара шумно выдохнула, уже начиная раздражаться от его спокойствия.

— Нам четырнадцать.

— Я помню.

— Прав нет.

Он сидел молча, а потом бросил быстрый взгляд на машину, будто именно там было проще найти ответ.

— Ты вела?

— Да.

— Всю дорогу?

— Всю.

После этого он снова умолк, и пауза на этот раз растянулась. Зара внутренне приготовилась к нотации — сейчас он наверняка начнёт объяснять, что они натворили. Но вместо этого он только спросил:

— Мать знает?

Тишина ответила за них.

— Машина её?

— Маминой компании.

— Она разрешила?

— Нет, — призналась Замира.

Он медленно качнул головой.

— Две четырнадцатилетние девочки взяли служебную машину и уехали в горы.

— Если так говорить, звучит хуже, — заметила Зара.

На этот раз он рассмеялся легко, почти по-мальчишески.

— А как это надо говорить?

— Мы временно взяли машину.

— Понятно.

Улыбка ещё оставалась на его лице, когда он вдруг посерьёзней и спросил:

— И никто не знает, где вы?

Зара замялась: этот вопрос застал её врасплох.

— Мы вечером вернёмся.

Он задержал на ней взгляд, словно услышал в её ответе то, что заставило его задуматься о совершенно другом.

— Конечно.

Расспрашивать дальше он не стал, хотя по его лицу было видно: ответ его заинтересовал.

* * *

Позже он позвал их в дом.

Изнутри он оказался не менее красивым, чем снаружи. За тяжёлой входной дверью открывался просторный холл с высоким потолком и широкой лестницей на второй этаж. Светлый мраморный пол прохладно блестел под ногами, тёмное дерево дверей и перил оттеняло почти белые стены. В гостиной стояли большие мягкие диваны, низкий стол из цельного дерева, на окнах — многослойные дизайнерские портьеры. Из высоких окон был виден двор, который отсюда казался совсем другим.

Заглядевшись, Зара замедлила шаг. Она ожидала увидеть богатый дом, но не думала, что внутри будет столько пространства. Здесь ничего не теснилось и не выставлялось напоказ: дорогими казались сами материалы, мебель, светильники, даже тяжесть дверей, которые закрывались почти бесшумно.

Мага провёл их через гостиную и показал ещё несколько комнат.

Одну из стен гостиной занимала большая рама из тёмного дерева. Внутри, под единым стеклом, был собран коллаж из старых семейных фотографий разных лет — цветные и выцветшие, парадные и совсем домашние. Замира первой заметила одну из них.

— Зара, иди сюда.

На снимке была изображена мама. Зара никогда не видела её такой: длинные тёмные волосы, джинсы, белая футболка. Она сидела на большом камне возле реки и смеялась в объектив — не позировала, не улыбалась для фотографии, а именно смеялась, запрокинув голову. Она была такая юная и беспечная, которой девочки её никогда не знали.

— Это вы снимали? — спросила Зара.

— Я.

— Где?

— Недалеко отсюда.

Замира подошла ближе и остановилась перед фотографией, разглядывая молодую маму.

— Какая она красивая.

— Она и сейчас красивая, — сказал отец.

Зара оторвала взгляд от снимка и повернулась к нему.

— Почему фотография до сих пор здесь?

Он покосился на изображение и сразу перевёл глаза на Зару.

— А куда мне её девать?

Зара подняла глаза на фотографию. Мама смеялась там так открыто и беззаботно, что трудно было узнать в этой семнадцатилетней девушке женщину, которая много лет спустя всё ещё боялась даже говорить о человеке, стоявшем сейчас рядом. И чем дольше Зара всматривалась в знакомое лицо, тем меньше понимала, что же на самом деле произошло между ними четырнадцать лет назад.

* * *

За домом начиналась узкая тропинка, которая уходила вверх по склону и вскоре терялась среди деревьев.

— Хотите посмотреть на долину? — спросил отец. — Оттуда весь аул видно.

Зара машинально взглянула на часы и удивилась: они приехали почти два часа назад, а казалось, что прошло гораздо меньше. Внутри всё ещё оставалось слишком много вопросов, и мысль, что им пора уезжать, уже не казалась такой очевидной, как прежде.

— Нам далеко идти?

— Это совсем рядом. Пять минут вверх.

Зара посмотрела на Замиру, предоставляя решение сестре, хотя по её лицу уже и без слов было понятно, что та хочет пойти.

— Ладно. Только недолго.

Они вышли за дом и поднялись по тропинке, которая сначала шла между каменными оградами и садами, а затем стала заметно круче. Под ногами шуршала сухая трава, из-под подошв иногда срывались мелкие камни, и вскоре Зара почувствовала, как участилось дыхание. Она осторожно обходила выступающие из земли камни, всё ещё стараясь уберечь белые джинсы.

За последним двором склон неожиданно открылся, и Замира, шедшая немного впереди, остановилась первой. Отсюда был виден почти весь аул: светлые дома спускались по склону неровными рядами, между ними петляли узкие дороги, а далеко внизу, на дне ущелья, поблёскивала река. Солнце уже опускалось к хребту, оставляя на вершинах тёплый золотистый свет, тогда как сам аул постепенно погружался в прохладную вечернюю тень.

— Красиво, — тихо сказала Замира.

— Я знал, что вам понравится.

Зара ещё с восторгом смотрела на долину, но потом снова вспомнила о фотографии в доме и повернулась к отцу.

— Мама знала это место?

— Конечно.

— Приходила сюда?

— Часто.

— С вами?

Отец задумался, поглядев в даль. Его взгляд прогулялся по противоположному склону, где ещё играл последний солнечный свет, и он тихо произнёс:

— Со мной.

— Мама была с вами счастлива?

Зара больше ничего не спросила, и он промолчал. Ветер трепал рукава её шёлковой блузки, поднимал волосы, бросал их на лицо. Где-то там, внизу, проходила дорога, по кото-

рой они сегодня приехали; шум реки сюда почти не долетал. Четырнадцать лет назад по этой же тропе поднималась мама — семнадцатилетняя девушка с фотографии, смеющаяся рядом с человеком, которого потом будет бояться даже вспоминать.

Зара пыталась представить их здесь вдвоём и не могла. Между той фотографией и маминей нынешней жизнью словно не доставало огромного куска истории. Именно ради него она сегодня и проехала несколько часов без прав по чужим дорогам, хотя теперь понимала о прошлом родителей едва ли больше, чем утром.

Ей было трудно совместить двух женщин: маму, которая мечтала забыть своё прошлое с отцом, и семнадцатилетнюю счастливую девушку на фотографии.

Между фотографией и побегом прошло всего несколько месяцев — что же за история лежала между ними?

* * *

Когда они вернулись во двор, солнце уже касалось гор.

— Всё, — сказала Зара. — Теперь точно пора.

— Конечно.

Отец не стал уговаривать их остаться, только посмотрел на быстро темнеющее небо.

— До ночи успеете спуститься к реке.

Это понравилось Заре. Никаких запретов, никаких попыток распоряжаться ими.

Женщина, встретившая их у ворот, стала собирать еду в дорогу. Зара попыталась отказаться, но отец сказал:

— Возьмите. Мало ли где остановитесь.

Они задержались ещё минут на десять, а потом ещё немного.

Зара достала телефон и взглянула на экран, всё ещё надеясь увидеть хотя бы одну полоску сети, но она по-прежнему отсутствовала. Она прошла несколько шагов по двору, посмотрела на экран ещё раз.

— Здесь вообще сеть бывает?

— Иногда наверху, ближе к перевалу.

Замира достала свой телефон и секунду смотрела на экран.

— У меня ничего.

— У меня ещё на подъезде пропала.

— А интернет?

Отец усмехнулся, будто вопрос об интернете здесь, среди гор, казался ему почти комичным.

— Здесь? Какой интернет?

Замира недоверчиво посмотрела на него, пытаясь понять, шутит он или говорит всерьёз.

— Вы шутите?

— Наверху, ближе к перевалу, иногда ловит. Здесь — нет.

— И как вы живёте?

— Как-то справляемся.

Он кивнул в сторону дома.

— Есть обычный телефон.

— С проводом? — удивилась Замира.

— С самым настоящим проводом.

— Я такой у бабушки видела.

Зара тем временем уже взяла ключи и нетерпеливо покрутила ими на пальце — ей хотелось поскорее ехать.

— Всё, поехали.

Мужчина тоже поднялся и неспешно пошёл следом, собираясь проводить их до автомобиля.

Замира открыла пассажирскую дверь, Зара села за руль и завела двигатель.

— Спускайтесь медленно, — сказал отец. — После второго поворота дорога разбита.

— Поняла.

Она уже собиралась тронуться, когда во двор вбежал мальчишка лет двенадцати. Он что-то быстро сказал Маге. Отец нахмурился, и по тому, как сразу изменилось его лицо, стало ясно: новость была не из приятных.

Зара опустила стекло и высунулась из окна, пытаясь расслышать, что говорит мальчик.

— Что случилось?

— На нижней дороге склон осыпался.

— Где?

— Ниже аула. Камни сошли.

Зара уже собиралась выезжать со двора, но, услышав про обвал, заглушила двигатель и вышла из машины.

— И что теперь?

— Надо посмотреть, насколько сильно завалило дорогу.

— Там единственная дорога?

— Для этой машины — да.

— А другая?

— Есть старая, через верх, но ночью по ней лучше не ехать.

— Ещё не ночь.

Зара сказала это с той уверенностью, с какой весь сегодняшний день решала одну возникавшую проблему за другой, однако отец, переведя взгляд на горы, невольно заставил её посмотреть туда же. Солнце уже скрылось за хребтом, и свет быстро уходил из долины, оставляя склоны в густеющих вечерних сумерках.

— Пока да, — сказал он. — Но через тридцать минут здесь будет темно.

— Тогда давайте хотя бы посмотрим, что там с дорогой.

Отец не стал спорить. Заметив во дворе одного из мужчин, он подозвал его и коротко объяснил, куда нужно съездить и что проверить, после чего они несколько минут обсуждали обвал и прикидывали, можно ли расчистить проезд между сошедшими камнями.

Зара всё это время стояла рядом, по-прежнему сжимая в руке ключи от машины. Уезжать она не передумала и лишь ждала подтверждения, что дорога действительно непроходима.

Когда мужчина ушёл, отец вернулся к девочкам.

— Он сейчас съездит вниз. Если дорога проезжая, сразу поедете.

— Долго?

— Минут двадцать.

Возражать было уже не о чем. Зара ещё раз посмотрела на ворота, за которыми быстро сгущались сумерки, убрала ключи и нехотя вернулась вместе с Замирой во двор.

* * *

Мужчина вернулся примерно через полчаса, когда в горах уже совсем стемнело. Здесь вечер наступал не так, как в городе: стоило солнцу скрыться за хребтом, и сумерки почти сразу растворялись в темноте, оставляя на склонах лишь редкие огни домов.

Отец выслушал мужчину.

— Ну? — спросила Зара.

— Не проехать. Большой камень поперёк дороги, землю вынесло на асфальт.

— Когда уберут?

— Утром люди выйдут.

— А верхняя дорога?

— Ночью там не ездят.

— Почему?

— Грунтовка, обрыв, ограждений нет.

Зара хотела возразить, но Замира опередила:

— Зар, не надо.

— Нам домой надо.

— Я знаю. Но туда я с тобой не поеду.

На этот раз в голосе Замиры не было привычной насмешки — она действительно не собиралась ехать по опасной дороге.

Зара исподлобья бросила на сестру быстрый взгляд, потом выдохнула и сдалась. Она снова достала телефон, хотя заранее знала, что увидит на экране: сеть так и не появилась.

— Даже маме не написать.

— Позвоните из дома, — сказал отец.

— Можно?

Мага посмотрел на неё с лёгким удивлением, будто не понимал, почему она вообще об этом спрашивает.

— Конечно.

В коридоре, на небольшом антикварном столике из красного дерева, действительно стоял старый белый телефон, разительно выделявшийся в современной обстановке дома. Зара сняла трубку, приложила к уху и поняла, что слушает глухую тишину. Нажала на рычаг, подождала и попробовала снова.

— Не работает.

Отец потянул трубку у неё из руки, поднёс к уху и тоже прислушался.

— Линия пропала.

— Почему?

— Кабель идёт вдоль дороги. После обвалов бывает.

Зара медленно повернулась к нему, и в её взгляде появилось недоверие.

— Очень вовремя.

Мага встретил её взгляд уже без прежней улыбки; впервые за весь день лицо его стало совершенно серьёзным.

— Я понимаю, что ты злишься. Но дорогу я не заваливал.

Заре вдруг стало неловко за собственное подозрение. Конечно, он не мог ни устроить обвал, ни заставить исчезнуть проводную связь, но слишком уж удачно всё совпало — именно в тот момент, когда они собирались уезжать.

— Я не это имела в виду.

— Хорошо.

Он положил трубку на аппарат и задержал на ней руку.

— Утром расчилят дорогу. Если линия появится раньше, позвоните.

Замира опустилась на край дивана, уже явно представляя, что будет, когда они наконец доберутся домой.

— Мама нас убьёт.

— Сначала найдёт, — сказала Зара.

Отец, уже собиравшийся выйти из комнаты, остановился и обернулся к девочкам.

— Она действительно не знает, где вы?

Зара только теперь осознала, как нелепо всё это выглядит со стороны.

— Нет.

— Вообще?

— Думает, что мы в городе. Наверное.

— И сюда вы поехали, ничего ей не сказав?

— Если бы сказали, она бы не разрешила.

Замира тихо фыркнула: спорить с этим было невозможно. Отец же воспринял ответ куда серьезнее и окончательно осознал, что мать девочек понятия не имеет, где они находятся и где собираются ночевать.

— Ясно.

— Что вам ясно? — тут же насторожилась Зара.

— То, что завтра вам обоим придётся объяснять матери, как вы оказались за несколько сотен километров от дома.

— Я не хочу даже думать об этом, — простонала Замира.

— Сегодня всё равно ничего не исправишь. Утром расчистят дорогу, появится связь — позвоните ей и поедете домой.

Зара хотела возразить, что до утра ещё далеко и дорогу, возможно, откроют раньше, но сама понимала: теперь от неё уже почти ничего не зависело. Телефоны молчали, проводная линия тоже не работала, а ехать ночью по старой горной дороге Замира категорически отказалась. Даже если бы Зара решилась отправиться одна, после всего случившегося это уже казалось не смелостью, а глупостью, поэтому ей пришлось признать очевидное: эту ночь они проведут здесь.

Отец тем временем попросил женщину приготовить для девочек гостевую комнату на втором этаже.

— Одну? — с вызовом переспросила Зара.

— А вам нужны две?

— Мы близняшки, а не один человек.

— Там две кровати.

— Тогда другое дело.

Улыбка сама появилась на лице Зары, а отец рассмеялся — легко и впервые за последние несколько минут без той настороженности, которая возникла после разговора о матери.

И всё же один вопрос не давал Заре покоя. Мама действительно не знала, где они, а значит, вечером, вернувшись домой и обнаружив их отсутствие, наверняка начнёт звонить. Потом поймёт, что телефоны недоступны, и вот тогда обычное раздражение очень быстро сменится тревогой. Зара старалась не представлять, что произойдёт дальше и каким окажется их разговор утром; сейчас, когда изменить всё равно ничего было нельзя, оставалось только ждать.

* * *

Комната находилась на втором этаже. Две широкие кровати с высокими мягкими изголовьями стояли по обе стороны от длинной двухсекционной зеркальной тумбы. Сбоку у окна разместился низкий комод, над которым висело большое зеркало в тонкой серебристой раме. Возле высокого окна стояли два небольших круглых кресла кремового цвета, между ними — стеклянный журнальный столик.

За окном уже темнел сад, и в самом окне отражалась освещённая комната.

Из спальни одна дверь вела в небольшую уютную гардеробную, другая — в собственную ванную с душевой кабиной и туалетом. Там уже лежали приготовленные для них свежие полотенца.

Зара медленно огляделась. После пыльной дороги и долгого дня всё здесь казалось особенно красивым и почти слишком удобным: мягкий свет, чистая постель, своя ванная, мягкий уголок у окна. Она ещё утром была уверена, что вечером они, как всегда, будут дома, а сейчас они с Замирой заселились в комнату, в которой всё было приготовлено так, словно гостей здесь всегда ждут.

Женщина сказала, чтобы звали, если что-нибудь понадобится, и закрыла за собой дверь.

Замира упала на кровать поверх мягкого покрывала.

— Я не могу поверить, что мы здесь ночуем.

Зара подошла к зеркалу.

Шёлковая блузка помялась. Возле локтя появилось маленькое серое пятно. Белые джинсы снизу были покрыты пылью, на колене остался грязный след.

Зара потёрла пятно на рукаве пальцем, поняла, что только сделает хуже, и отошла от зеркала. Во дворе тем временем горел тусклый жёлтый фонарь, под которым стоял отец и разговаривал с двумя мужчинами; одного из них она уже видела вечером, когда тот ездил проверять дорогу. Слов из комнаты было не разобрать, но вскоре отец показал куда-то в сторону ворот, и Зара решила, что речь идёт об обвале.

Почти машинально она снова взяла телефон, хотя за последние часы проверяла его уже столько раз, что заранее знала, что увидит. Экран послушно загорелся, но значок сети так и не появился.

— Зар.

Она обернулась на голос сестры.

— Что?

— Ты жалеешь, что мы приехали?

Вопрос застал Зару врасплох. Ещё утром эта поездка казалась ей почти приключением, которое она придумала и устроила сама: взять машину, выбраться из города, объехать пост, добраться до аула. Теперь они находились за несколько сотен километров от дома, мама поня-

тия не имела, где их искать, дорогу завалило, а позвонить ей было невозможно. И всё же сказать, что она жалеет, Зара не могла.

За весь день не произошло ничего, что могло бы объяснить материнский страх перед человеком, которого они наконец увидели. Напротив, именно это теперь занимало Зару больше всего. Она ехала сюда за ответами, а получила новые вопросы. Отец оказался совсем не похож на человека, которого столько лет рисовало её воображение: не был ни страшным, ни грубым, ни даже особенно суровым. Он разговаривал с ними спокойно, смеялся, показывал дом, вспоминал маму и хранил её фотографию.

А то, что они не уехали вечером, объяснялось проще всего: в горах случился обвал и завалил дорогу. Такое здесь действительно могло произойти.

С улицы снова донеслись голоса. Мужчины, ещё недавно разговаривавшие с отцом под фонарём, разошлись, и он направился к воротам. Зара подошла к окну и увидела, как отец открыл ворота, и освещённый двор озарил светом тёмную улицу, подождал, пока последний мужчина выйдет, а затем потянул тяжёлую створку на себя. До второго этажа отчётливо донёсся металлический щелчок замка.

Обычный вечерний звук — на ночь запирали ворота.

— Зар?

Она ещё постояла у окна.

— Что?

— Я спросила, ты жалеешь, что мы приехали?

Зара снова взглянула на телефон, где по-прежнему не было сети, затем перевела глаза на окно. За ним лежал незнакомый аул, вокруг поднимались тёмные горы, а внизу, за закрытыми воротами, оставалась единственная дорога домой.

— Пока нет.

Глава 3. Мага

Зара проснулась от голосов во дворе. Мужчины разговаривали громко, не понижая голоса, кто-то засмеялся, почти сразу хлопнула дверца машины, и этот звук окончательно выдернул её из сна. Она открыла глаза, спросонья не понимая, где находится.

Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивалось солнце. Между кроватями на длинной зеркальной тумбе лежали их телефоны. Солнце отражалось от стекла тумбы и играло солнечными зайчиками на потолке. Зара огляделась по сторонам и только тогда вернулся вчерашний день — дорога, горы, этот дом и человек, которого они с Замирой впервые в жизни увидели меньше суток назад. Их отец.

Зара потянулась за телефоном. Часы показывали девять двадцать три, но сети по-прежнему не было.

Она всё равно открыла сообщения. Последняя переписка с мамой была ещё позавчера. У окна Зара подняла телефон вверх, повернула его сначала одной стороной, потом другой, хотя понимала бессмысленность этих движений.

— Не ловит? — сонно спросила Замира.

— Ничего.

Сестра села на кровати, пригладила волосы и тоже посмотрела на свой телефон.

— Мама, наверное, с ума сходит.

— Ещё бы. Второй день не знает, где мы.

— Мы-то знаем.

— Ей от этого легче?

Замира лишь вздохнула, задержав взгляд на бесполезном здесь телефоне. Возразить сестре было нечего, да и говорить о матери дальше не хотелось: обе прекрасно представляли, что сейчас творится дома.

Снаружи снова хлопнула автомобильная дверь.

Зара отодвинула край портьеры, впуская в комнату всё солнце целиком.

— Там народу полно.

Замира окончательно стряхнула с себя сон, выбралась из постели и подошла к сестре. Они молча наблюдали за двором, стараясь не слишком высовываться в окно.

— Пойдём?

— Пойдём посмотрим на папочку.

Последнее слово Зара нарочно произнесла с насмешливой интонацией, пытаясь превратить в шутку то, к чему они обе никак не могли привыкнуть. Но обычной лёгкости не получилось: слово прозвучало неловко и как-то не по-настоящему, будто относилось не к Маге, а кому-то другому.

Замира уловила эту неловкость и едва улынулась, скорее сестре, чем самой шутке:

— Ужасно звучит.

— А как его называть?

— Не знаю.

У Зары ответа тоже не было. За всё время здесь она так и не придумала, как будет к нему обращаться.

Во дворе действительно было полно людей. Вдоль открытого забора стояли два огромных чёрных джипа, белая «Нива» и новенький серебристый седан. Под широким навесом был накрыт длинный стол: сыр, зелень, яйца, лепёшки, несколько чайников. Мужчины сидели тесно, кто-то пил чай, кто-то говорил одновременно с соседом, и со стороны всё это больше напоминало большое собрание, чем семейный завтрак.

Среди мужчин Зара сразу увидела Магу. Он расположился за столом так непринуждённо, словно это шумное утро ничем не отличалось от сотен других, и что-то говорил сидевшему рядом мужчине. Зара замедлила шаг, не ориентируясь, куда двигаться дальше, и остановилась на ступеньке, рассматривая его уже открыто, без вчерашних попыток отвести глаза, если он вдруг посмотрит в её сторону.

Накануне они обе только и делали, что исподтишка разглядывали его. Зара несколько раз замечала взгляд Замиры и понимала, что сестра занимается ровно тем же: пытается найти в лице совершенно незнакомого мужчины хоть что-нибудь своё, знакомое, родное — то, что помогло бы поверить в их родство не только потому, что так сказала мама.

Четырнадцать лет этот человек существовал где-то за пределами их жизни. У него было только имя, и какое-то своё прошлое, о котором в их доме не любили говорить.

Когда они были маленькими, всё казалось проще. На вопрос, почему папа с ними не живёт, мама отвечала: «Так получилось». На вопрос, знает ли он о них, — «Конечно». Но стоило спросить, почему тогда он ни разу не приехал, и разговор обычно заканчивался. Однажды мама сказала, что, когда они станут старше, смогут спросить его об этом сами.

Теперь им было четырнадцать, они считали себя довольно взрослыми, и они действительно приехали. Только оказалось, что задать этот вопрос человеку, которого видишь впер-

вые, совсем не так просто, как представлялось когда-то. Даже слово «отец» им пока не давалось — за четырнадцать лет между знанием о человеке и близостью с ним ничего так и не возникло.

Зара не раз представляла первую встречу, хотя никогда никому об этом не рассказывала. Ей казалось, что должно произойти нечто особенное. Не обязательно хорошее. Просто такое, после чего станет понятно: вот он — отец.

Возможно, он растеряется, увидев их, может быть, отстранится, может быть, она сама почувствует что-нибудь, чего до сих пор не знала. Но всё оказалось гораздо проще.

Вчера Мага внимательно смотрел на них, переводя взгляд с одной на другую, они долго болтали за столом, гуляли и любовались на долину.

Нынче он сидел за тем же столом в окружении большого числа людей, пил чай и беседовал с гостями так спокойно, будто две четырнадцатилетние дочери, впервые появившиеся на пороге его дома, были удивительным, но вполне совместимым с обычной жизнью событием.

Он увидел их и махнул рукой:

— Проснулись? Идите сюда.

Они подошли.

Женщина в длинном тёмном платье сразу принесла две чашки и подвинула блюдо с лепёшками.

— Это мои девочки, — сказал Мага.

Зара взглянула на сестру. Замира опустила глаза, но по её лицу было видно, что она тоже заметила это неожиданное «мои».

Полный коротко стриженный мужчина лет пятидесяти поднялся им навстречу.

— Наконец увидели.

— Рустам, — представил его отец. — Начальник полиции.

Рустам пожал руку сначала Заре, потом Замире.

— Добро пожаловать. Первый раз здесь?

— Первый, — ответила Зара.

— Понравится.

— Мы ненадолго.

Рустам коротко взглянул на Магу, ожидая, как тот отнесётся к заявлению девочки. Мага поймал его взгляд и лишь усмехнулся:

— Они пока так думают.

По столу прокатился дружный смех; кто-то из мужчин обернулся к девочкам, явно забавляясь уверенностью, с которой Зара объявила об их скором отъезде.

Зара скупно улыбнулась, скорее из вежливости, но шутка ей совсем не понравилась.

Рядом сидел пожилой мужчина с густыми седыми бровями и тяжёлым, почти неподвижным лицом.

— Хасан Ахмедович, глава администрации района, — сказал Мага.

Тот протянул Заре руку и, внимательно посмотрев на неё, произнёс:

— Очень на отца похожа. Глаза его.

Закончив разглядывать Зару, Хасан Ахмедович неторопливо перевёл свой кошачий взгляд на сидевшую рядом Замиру, словно теперь искал фамильное сходство уже в её лице.

— А эта на мать.

— Её Замира зовут, — возмущённым тоном заявила Зара.

Хасан Ахмедович задержал на Заре потяжелевший взгляд, не торопясь отвечать. Замира тут же почувствовала напряжение и незаметно коснулась локтя сестры, напоминая без слов: *не надо*.

— Знаю, — ответил он наконец. — Красивые девочки. Невесты. Садитесь, ешьте.

Разговор продолжился, словно ничего не произошло.

Говорили о политике, о новом руководстве области, о ремонте дороги, о каких-то документах, которые всё никак не могли подписать в районе, о человеке, обещавшем приехать ещё на прошлой неделе. Зара сначала пыталась слушать, потом потеряла нить и стала просто наблюдать.

Вскоре она заметила, что люди приезжают не столько в дом, сколько к Маге.

Один мужчина появился минут на десять, поздоровался со всеми, а потом отвёл хозяина в сторону и долго что-то ему объяснял. Мага выслушал, достал телефон, но, посмотрев на экран, убрал его и что-то сказал Рустаму, который кивнул ему в ответ. Мужчина поблагодарил обоих и уехал.

Затем пришёл другой.

Зара всё внимательнее наблюдала за мужчинами и наконец придвинулась к сестре:

— Он здесь кто вообще?

— Не знаю.

— Смотри, как они с ним разговаривают.

— Я вижу.

Начальник полиции держался с Магой не так, как Зара представляла себе разговор обычного человека с начальником полиции. Хасан Ахмедович тоже не выглядел здесь человеком, перед которым все вытягиваются по струнке. Они спорили, перебивали друг друга, смеялись, договаривались о чём-то вполголоса — люди одного круга, давно привыкшие решать вопросы между собой. Какое место среди них занимал Мага, Зара пока не понимала, но уже видела: его слово здесь имело вес.

* * *

Завтрак закончился, и гости начали разъезжаться.

Через полчаса во двор зашли двое мужчин.

Зара заметила их из кухни, куда Мадина попросила её занести хлеб со стола. Один, лет пятидесяти, был тяжёлый, широкоплечий, с густыми седыми бровями и лицом, ещё красным после недавней ссоры. Второй выглядел моложе и держал под мышкой серую папку, которую время от времени перекладывал из одной руки в другую.

Они устроились под навесом. Мадина вынесла чай, поставила перед каждым по стакану, принесла сахар и красивую фарфоровую вазочку с печеньем, после чего вернулась в дом, совершенно не удивлённая подобным визитом.

Мага сидел чуть в стороне, в огромном кожаном кресле со слегка потёртыми подлокотниками, и поначалу Зара даже не поняла, зачем эти двое пришли. Он не расспрашивал их и не торопил, пока старший мужчина, уже в который раз повторяя одно и то же, не ткнул пальцем куда-то в сторону улицы.

— Он забор передвинул. Три метра моей земли себе забрал.

— Ничего я не забирал, — сразу отозвался молодой. — Там граница проходит.

— Какая ещё граница? Я тридцать лет там живу. Мне теперь ты будешь рассказывать, где моя земля?

— Если тридцать лет живёшь, это не значит, что можешь чужое себе приписывать.

Старший вспыхнул и подался вперёд. Через мгновение они уже говорили одновременно, перебивая друг друга, и Зара, задержавшаяся у открытой двери, перестала разбирать слова.

Мага держал стакан с чаем, пока спор не перешёл в крик. Тогда он поставил его на стол и поднял ладонь.

Молодой осёкся первым. Старший ещё договорил несколько слов, но, заметив движение Маги, тоже оборвал себя.

— Бумаги принёс? — спросил Мага молодого.

Тот подвинул к нему папку, с которой пришёл.

Мага раскрыл её и принялся изучать листы. Старший ёрзал на стуле, переводил внимание с документов на соседа и всё-таки не выдержал:

— План там старый. Ещё отец мой говорил, что неправильно намерили.

Мага перевернул страницу.

— Когда понадобится, я тебя спрошу, уважаемый.

В голосе не было ни раздражения, ни угрозы, но мужчина больше не рискнул вмешаться.

К двери подбежала Замира, со спины обняла сестру двумя руками и прижалась к ней.

— Чего они хотят?

— Из-за земли ругаются.

Замира выглянула во двор и почти сразу потеряла интерес, а Зара осталась у двери. Ей было любопытно, почему два взрослых мужчины, которые едва не сцепились возле ворот, теперь терпеливо ждут решения Маги.

Он провёл пальцем по линии на плане, сверил её с другой страницей и закрыл папку.

— Забор перенесёшь обратно.

Молодой нахмурился.

— Мага, там по плану три метра мои.

— Полтора вернёшь.

— Почему полтора? Там все три—

Мага поднял на него глаза. Возражение так и осталось недосказанным.

— Полтора метра вернёшь ему, остальное пока оставишь как есть. Потом найдёте человека, который нормально перемерит участок.

Мага повернулся к старшему.

— А ты к его братьям больше не ходи.

— Я к ним потому и пошёл, что он меня не слушает. Они сами потом начали.

— Я знаю, кто начал.

Старший сжал губы. Ему явно хотелось продолжить, но он лишь провёл ладонью по колену и отвернулся.

— Две недели, чтобы сделать, — сказал Мага. — И больше из-за этого между собой не собачьтесь.

Никто не стал возражать, хотя оба не получили то, чего хотели.

Старший первым поднялся из-за стола, поправил рубашку и протянул Маге руку.

— Хорошо. Спасибо.

Молодой медлил чуть дольше. Он убрал документы в папку, застегнул её и тоже пожал Маге руку.

Зара взглядом проводила мужчин до самой калитки. На улице они снова о чём-то заговорили, но прежнего крика уже не было.

Она подошла к Маге и села рядом. Он медленно придвинул к себе стакан.

— А если он не перенесёт забор? — спросила Зара.

Мага повернулся к ней, словно вопрос был лишён смысла. Разве можно было сомневаться в том, что человек выполнит обещанное ему?

— Перенесёт.

— Откуда вы знаете?

Мага взял кусочек сахара из вазочки и сделал глоток чая.

— Раз согласился, значит, перенесёт.

Зара вспомнила, как оба мужчины почти одновременно оборвали спор после поднятой руки Маги, как старший уступил нескольким негромким словам и как молодой, явно недовольный решением, всё равно пожал ему руку перед уходом.

До сих пор ей казалось, что к Маге просто часто заходят соседи и знакомые. Теперь она поняла, что приходили к нему не только в гости.

* * *

Обращаться к нему по-прежнему было неудобно. «Папа» не шло с языка, а назвать взрослого человека Магой ей не позволяло воспитание.

— Можно спросить?

Он с готовностью повернулся к ней.

— Спрашивай.

— Мы сегодня домой едем?

— Сегодня? — переспросил он и посмотрел в сторону ворот. — Вряд ли.

— Почему?

— С машиной надо разобраться.

— А что с ней?

— Ничего серьёзного.

— Если ничего серьёзного, почему мы не можем ехать?

— Сначала её посмотрят — надо проверить тормоза. Похоже, ты пережала их вчера на склонах.

Зара подождала продолжения, но Мага, судя по всему, считал ответ исчерпывающим.

Она указала на ворота, где за ними вдоль улицы ранее стояли автомобили утренних гостей, и кивнула в ту сторону, словно одного этого было достаточно, чтобы опровергнуть его объяснение.

— Здесь же полно других.

Мага задержал на ней любопытный взгляд. Настойчивость дочери его, кажется, не раздражала — скорее забавляла и немного удивляла: это было похоже на перетягивание каната двумя соперниками ещё плохо знакомыми друг с другом. Кто-то давал поддавки, кто-то пытался победить напористостью. Он явно пока присматривался к её характеру.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Всё сразу надо решить.

— Если мама не знает, где мы, то да.

При упоминании матери выражение его лица заметно изменилось. Мага отвернулся в сторону двора, и прежняя снисходительная усмешка больше не вернулась.

— Знаю.

— Мы можем ей позвонить?

— Можете.

— Откуда?

— У Хасана Ахмедовича есть телефон.

— Тогда давайте сейчас.

— Он уехал.

— А здесь телефона нет?

— Нет.

— Вообще?

— Здесь мобильная связь не работает. Проводной телефон есть ещё в администрации и в нескольких домах, но линию после завала пока не отремонтировали.

— А интернет?

— Тоже нет.

Зара раздражённо огляделась, словно отсутствие интернета можно было увидеть во дворе. Всё это она уже слышала вчера, но слышать и верить услышанному — разные вещи.

— И всех это устраивает?

Мага устало усмехнулся.

— Живут как-то.

— Меня не устраивает.

— Ты здесь второй день.

— Именно. А собиралась я быть здесь пару часов, вчера.

Незаметно подошла Замира и остановилась рядом. Она ничего не сказала, только зыркнула на сестру тем самым взглядом, который Зара прекрасно знала: *не начинай*.

Но разговор уже начался.

— Мама с ума сходит.

— Позвонишь вечером или завтра утром.

— Почему вечером? До Хасана Ахмедовича далеко?

— Зара.

Он произнёс её имя спокойно, но интонация изменилась.

— Я сказал: позвонишь, когда будет возможно.

Внезапно между ними повисло напряжённое молчание. Зара не отвела глаз, хотя в спокойной уверенности Маги уже чувствовалось требование подчиниться — именно то, чего она переносила хуже всего.

Заре хотелось ответить, что он не имеет права разговаривать с ней таким тоном. Они знакомы меньше суток. Четырнадцать лет он не участвовал в их жизни, и теперь было странно слышать от него это уверенное «я сказал».

Замира, почувствовав, что сестра вот-вот скажет то, о чём потом они обе могут пожалеть, осторожно взяла её за локоть и чуть сжала пальцами. Это был их привычный, понятный без слов способ остановить друг друга.

Зара всё-таки промолчала, хотя чем больше она думала о его уверенном «я сказал», тем сильнее начинала злиться. Она сжала губы и насупилась, понимая, что Замира права: если сейчас продолжить, то обычная перепалка закончится настоящей ссорой. Внутри клокотали злость и раздражение, готовые вырваться наружу, как горный сель.

* * *

К обеду приезд дочерей Маги, очевидно, стал местной новостью. Сначала появились две женщины, потом ещё несколько. Пришла пожилая женщина с девочкой лет десяти, следом кто-то привёл детей. Одни задерживались ненадолго, другие садились пить чай, но посмотреть на сестёр хотели все.

— Близнецы?

— Да.

— Кто старшая?

— Я, — отвечала Зара. — На сколько?

— На десять минут.

Эти десять минут неизменно вызывали оживление.

Их сравнивали без всякого стеснения: у Зары нашли отцовские глаза, у Замиры — его подбородок. Вскоре выяснилось, что подбородок всё-таки материнский, зато руки у неё точно Магины. Кто-то из родственниц решил, что Зара выше, что, впрочем, не было неправдой, кто-то удивился их волосам.

Минут через сорок, устав быть предметом всеобщего любопытства, Зара дождалась, когда очередная гостья отвернётся, и наклонилась к сестре, стараясь говорить так, чтобы слышала только она:

— Ещё немного — зубы считать начнут.

Замира попыталась сохранить серьёзное лицо, но не выдержала и тихо прыснула, прикрыв улыбку ладонью.

— Перестань.

— Я серьёзно.

Их шёпот всё-таки не укрылся от женщины, которая с самого утра хлопотала возле стола. Проходя мимо с посудой в руках, она уловила последние слова Зары и наклонилась к девочкам:

— Привыкайте.

Её звали Мадина и жила она неподалёку. Она оказалась двоюродной сестрой Маги и тёткой девочек. Зара уже успела заметить, что Мадина почти не садилась: то приносила чай, то уносила посуду, то появлялась с очередным блюдом.

— Здесь все про всех знают, — сказала она.

— Уже заметили, — отозвалась Зара.

Замира задумалась, долго размышляя, задать ли вопрос, который занимал её со вчерашнего дня:

— А про нас давно знали?

Мадина остановила на ней взгляд и, казалось, вопрос её не удивил, но, прежде чем ответить, она всё же сделала короткую паузу.

— Конечно.

— Все?

— Не все. Родня знала.

— Что мы есть?

— А как не знать?

Зара медленно поставила чашку на стол. До этой минуты разговор казался ей обычным любопытством родни, но ответ Мадины заставил её насторожиться.

— То есть четырнадцать лет все знали про нас?

— Родня знала, — повторила Мадина.

— Интересно.

Замира потихоньку коснулась её руки, пытаясь без слов остановить, но Зара уже ухватилась за то, что не давало ей покоя, и отступить не собиралась.

— А почему он тогда ни разу к нам не приехал?

Мадина уже потянулась за пустой чашкой, но на полпути остановила руку. На этот вопрос она явно не хотела отвечать — во всяком случае, не вместо Маги.

— Это у него спроси.

— Спрашиваю второй день. Только ответа как-то всё нет.

Она попыталась улыбнуться, однако прежнее добродушное расположение в ней исчезло по мере продолжения этого разговора. Мадина отвела глаза и поспешила заняться чайником — домашние хлопоты давали ей удобный повод закончить беседу тогда, когда она этого хотела.

Зара проводила её взглядом, всё яснее чувствуя, что простым вопросом она случайно задела тему, о которой здесь предпочитали не говорить.

Странно было думать, что все эти люди жили здесь четырнадцать лет и всё это время знали о существовании двух девочек, которые сами не знали ни одного из них.

* * *

После обеда сёстры решили пройтись по аулу.

Мадина предложила отправить с ними мальчика лет двенадцати.

— Зачем? — сразу спросила Зара.

— Покажет вам всё.

— Мы сами посмотрим.

— Заблудитесь.

Зара обернулась к распахнутым воротам и окинула взглядом длинную улицу, которую отсюда было видно почти до самого поворота.

— Тут три улицы.

— Больше.

— Значит, найдём остальные.

Замира не стала прятать улыбку: по тону сестры было понятно, что перспектива заблудиться в ауле Зару нисколько не пугала.

Мадина с сомнением смотрела на Зару, словно прикидывая, стоит ли продолжать спор, но, уже успев познакомиться с её упрямством, решила не настаивать.

— Только далеко не уходите.

Девочки поспешно пообещали далеко не уходить, хотя по выражению лица Зары трудно было понять, насколько серьёзно она отнеслась к этому условию.

Аул тянулся вверх по склону. Асфальт вскоре закончился, дальше шли пыльные улицы между каменными стенами, из-за которых выглядывали фруктовые деревья. Где-то сушилось бельё, в одном дворе женщины перебирали зелень, на дороге играли дети. Из открытого окна пахло жареным луком и тестом.

Сёстры никуда не торопились. Они шли по незнакомым улицам, заглядывали в открытые дворы, рассматривали дома и то и дело останавливались, когда за очередной стеной или поворотом обнаруживалось что-нибудь, чего они не успели заметить раньше.

Между домами неожиданно открывались горы — огромные, близкие, будто аул построили прямо у их подножия. Солнце стояло высоко, на дальних склонах лежали тени от облаков, плывущих над ними в ярко-голубом небе.

Замира вдруг замедлила шаг и остановилась, залюбовавшись открывшимся между домами видом.

— Красиво.

Зара прошла ещё несколько шагов, но затем вернулась к сестре и тоже посмотрела на горы, начинавшиеся сразу за аулом и уходившие одна за другой к горизонту.

— Очень.

Замира достала телефон и сделала несколько снимков, стараясь поймать в кадр и крыши аула, и поднимавшиеся за ними горные склоны.

— Жалко, отправить нельзя.

— Потом отправишь.

— Маме.

При упоминании матери настроение сразу изменилось. Замира опустила телефон и посмотрела на погасший экран, а Зара отвела глаза к горам. Красота вокруг никуда не исчезла, но обоим вдруг стало не до неё: второй день мама не знала, где они и что с ними.

— Сегодня позвоним, — сказала Зара.

— Он сказал вечером или завтра.

— Мне всё равно, что он сказал.

Замира беспокоилась: она слишком хорошо знала этот тон Зары и уже догадывалась, чем может закончиться следующий разговор с Магой.

— Только не ругайся с ним.

— Я не ругаюсь.

— Ты уже ругаешься.

— Я разговариваю.

— Я тебя знаю.

Зара ответила ей знакомой лукавой усмешкой, в которой уже читалась готовность при первой возможности сделать всё по-своему.

— Вот именно. А он меня пока нет.

Навстречу им попадались люди, и почти каждый здоровался. Некоторые явно знали, кто они.

Одна женщина даже остановилась:

— Магины дочки?

— Да.

— Добро пожаловать.

Они прошли ещё несколько шагов, и только убедившись, что женщина их уже не услышит, Зара дёрнула сестру за рукав:

— У нас на лбу написано?

Замира улыбнулась, тоже начиная находить забавным, что в ауле их узнавали люди, которых они сами видели впервые.

— Наверное.

У небольшого магазина стояли несколько парней, примерно их возраста, может быть, немного старше. Увидев сестёр, они притихли. Один из парней встречал их длинным прямым взглядом и, когда сёстры поравнялись с компанией, всё-таки решил их окликнуть:

— Привет.

— Привет, — ответила Зара.

Замира ничего не ответила, только смущённо улыбнулась в сторону, делая вид, что её гораздо больше интересует дорога впереди.

Сёстры миновали магазин и пошли дальше по улице, оставив взволнованную компанию за спиной.

Зара молчала ровно до тех пор, пока они не отошли от магазина достаточно далеко. Потом заметила всё ещё прятавшуюся в уголках губ Замиры улыбку и легонько толкнула её плечом.

— Видела?

— Кого?

— В чёрной футболке. Симпатичный.

Замира отвела глаза, но улыбка, которую она пыталась скрыть, всё равно выдавала её с головой.

— Ничего я не видела.

— Конечно.

— Зара.

— Молчу.

За спиной вдруг заскрипели тормоза велосипеда. Сёстры обернулись и увидели того самого мальчишку, которого Мадина хотела отправить с ними: он быстро догнал их и остановился рядом, придерживая велосипед ногой.

— Вас домой зовут.

Зара, уже собиравшаяся идти дальше, остановилась и с подозрением посмотрела на мальчика.

— Кто?

— Мадина.

— Зачем?

— Не знаю.

— Передай, скоро придём.

Однако он не торопился уезжать. Паренёк остался стоять рядом, придерживая велосипед и явно ожидая, что девочки пойдут вместе с ним.

— Что ещё?

— Мне сказали вас привести.

Зара недоверчиво посмотрела сначала на мальчишку, потом на Замиру, словно предлагая сестре самой оценить неожиданно серьёзные меры, принятые ради их возвращения домой.

— Мы сами дорогу знаем.

— Зар, пойдём, — тихо сказала Замира.

Мальчик и после этого не сдвинулся с места — поручение Мадины он понял буквально и возвращаться без девочек не собирался.

— Ладно, — сдалась Зара. — Веди, начальник конвоя.

Мальчишка сурово посмотрел на неё, не обнаружив в словах Зары ничего смешного.

Мадина ждала их у ворот. Издали создавалось впечатление, что она просто вышла на улицу поболтать с соседками: стояла в тени стены у поставленного ею таза с бельём, сложив руки на груди, и время от времени поглядывала вдоль улицы. Но мальчик ещё не успел затормозить у дома, а она уже шагнула им навстречу.

— Ну наконец-то. Где вы были?

— Гуляли.

— Я вижу, что не в кино ходили. Где?

Зара заметила, как быстро Мадина оглядела сначала её, потом Замиру — лицо, руки, одежду, словно проверяла, всё ли на месте, и тут же отвела взгляд, будто ничего особенного не произошло.

— Я же сказала далеко не уходить.

— А здесь можно «уйти далеко»?

— У магазина были?

Зара уже собиралась ответить, но следующий вопрос Мадины заставил её насторожиться.

— Были.

— С кем разговаривали?

Зара рассмеялась на всю улицу.

— Вы серьёзно?

— А что такого? Просто спрашиваю.

Мадина говорила нарочито спокойно, но это спокойствие ей давалось хуже, чем хотелось показать. Пока девочек не было, она успела несколько раз выйти за ворота, послать мальчишку следом и узнать, до какого места они дошли. Мага оставил дочерей на неё, и Мадина восприняла это не как просьбу присмотреть за племянницами, а как ответственность, от которой теперь не могла просто отмахнуться.

— С нами только поздоровались, — сказала Зара.

— Кто?

— Парень какой-то.

— В чёрной футболке?

— Да.

— Аслан.

Зара прищурилась, пытаясь вспомнить, представился ли тот симпатичный парень у магазина или его имя она слышала впервые.

— Возможно. Он не представился.

Ответ уже прошёл мимо неё, когда Зара вдруг зацепилась за одну деталь и мысленно вернулась к вылетевшим у Мадины словам:

— Подождите. А откуда вы знаете, что он был в чёрной футболке?

Мадина замялась, не зная, что сказать, но тут же подхватила стоявший у стены таз с бельём.

— Здесь маленький аул. Всё на виду.

— Кто вам рассказал?

— Никто мне ничего не рассказывал.

— Ага. Само дошло.

— Зара, не начинай.

— Я не начинаю. Я просто хочу понять, почему нас уже разыскивают по всему аулу.

Мадина опустила таз на землю возле себя и посмотрела на Зару прямо. До этого она то бралась за бельё, то отворачивалась к дому, словно разговор не заслуживал особого внимания, но теперь стало ясно: продолжать его между делом не получится.

— Потому что Мага сказал далеко вас не отпускать.

Усмешка на лице Зары погасла. В словах Мадины ей впервые послышалось не беспокойство за них, не долг гостеприимства опекать приехавших, а целенаправленный запрет.

— Что значит «не отпускать»?

— Ничего это не значит. Не цепляйся к словам. Он попросил за вами присмотреть. Она замолчала и нервно добавила:

— Потому что некоторые парни могут украсть невесту прямо на улице.

— Нам четырнадцать, а не двадцать.

— Зар, хватит, — тихо попросила Замира.

Мадина уже собралась войти во двор, но развернулась, и с вызовом в голосе парировала Заре:

— Когда за чужих детей отвечаешь, четырнадцать им или двадцать — разницы немного.

И сразу, пожалев, что позволила себе лишнее, добавила обычным тоном:

— Идите руки мойте. Скоро есть будем.

Мадина направилась к заднему двору развешивать бельё, всем своим видом демонстрируя, что для неё разговор закончен. Зара не пошла следом, а осталась посреди двора и смотрела вслед Мадине, явно не считая перепалку завершённой. Замира то и дело вздыхала рядом, заметно тяготясь этим разговором:

— Не заводись, — попросила она.

— Я не заводжусь. Просто дичь какая-то.

— Заводишься.

Зара всё ещё наблюдала за Мадиной на заднем дворе и лишь немного успокоившись, повернулась к сестре.

— Мне очень не нравится, когда за меня решают, куда мне можно ходить. Ещё при этом придумывают какие-то жуткие сказки про воровство невест. В каком веке они здесь живут!

* * *

К вечеру во двор снова начали съезжаться машины.

Вернулся Рустам, приехал Хасан Ахмедович, появились ещё несколько мужчин. На столе опять возникли блюда, зелень, хлеб, чайники. Женщины вынесли мясо из дома.

Сёстры устроились на тёплых мраморных ступеньках крыльца, откуда был виден почти весь двор и собравшиеся под навесом мужчины.

Зара почти не участвовала в разговоре с сестрой: её внимание всё время возвращалось к Маге и к людям, которые один за другим подходили к нему.

Один мужчина подошёл к нему у ворот, пожал руку и заговорил вполголоса. Потом появился другой. Рустам отвёл Магу в сторону.

— Смотри, — сказала Зара.

— Куда?

— На него. Не пойму, кто он? — Зару не отпускал вопрос, возникший у неё утром. Она видела особое положение отца среди людей, наполнявших двор, но даже сложив всё, что она успела о нём узнать, ответа на свой вопрос не находила.

Замира пожала плечами. Ей тоже было интересно, но это не занимало её настолько глубоко, как Зару.

— Не знаю.

— Мне ужасно интересно.

Они приехали сюда именно затем, чтобы увидеть отца, и чем дольше находились рядом с ним, тем меньше понимали, кого увидели.

За столом его называли Магомедом, иногда Магой. Хасан Ахмедович один раз обратился к нему «Магомед Заурович». Мужчина, приехавший позже остальных, пожал ему руку обеими руками и долго не отпускал, что-то объясняя. Мага чаще слушал, чем говорил, но, когда отвечал, люди не перебивали.

В какой-то момент Мага заметил сидевших в стороне девочек и махнул им рукой, приглашая к столу:

— Чего сидите? Присоединяйтесь.

Сёстры поднялись со ступенек и подошли к столу, за которым ещё продолжался мужской разговор.

— Ешьте.

— Мы не хотим, — сказала Зара.

— Всё равно садитесь.

Зара уже собиралась возразить, но Замира молча села. Пришлось садиться рядом.

Едва девочки устроились за столом, мужчины вернулись к прерванному разговору, словно их присутствие ничего не меняло.

Зара слушала вполуха. Её больше занимало, как эти мужчины разговаривали друг с другом: без чинов, без официальных слов, будто все нужные решения принимались не в кабинетах, а здесь, за длинным столом.

До этого Рустам почти не обращал на сестёр внимания, но в какой-то момент отвлёкся от общей беседы и повернулся к ним:

— Гуляли сегодня?

Зара усмехнулась, уже убедившись, что их прогулка успела стать ещё одной известной всем подробностью дня.

— А вы тоже знаете?

— А что я здесь должен делать? Ничего не знать?

— Видимо, полиция у вас работает идеально. Особенно по двум девочкам возле магазина.

За столом снова раздался смех, и Рустам рассмеялся вместе со всеми, явно не замечая язвительный тон комплимента.

— Мы просто гуляли.

— Так гуляйте. Кто запрещает?

Зара мгновенно вскинулась и уже открыла рот, чтобы ответить, но внезапно почувствовала, как под столом Замира наступила ей на ногу. Сестра коротко качнула головой, одними глазами прося её на этот раз промолчать.

Их безмолвная перепалка не укрылась от Маги. Он наблюдал за дочерьми с другого конца стола и прекрасно понял, почему Зара вдруг передумала отвечать.

— Завтра Мадина вам всё покажет.

— Мы сами можем.

— С Мадиной лучше.

— Кому?

Он сверлил Зару взглядом, будто на расстоянии пытался осадить её.

— Мне.

— Почему?

— Потому что я так спокойнее буду.

Он сказал это без раздражения, почти по-отцовски, и именно поэтому ответ задел Зару сильнее. В его беспокойстве не было притворства: он действительно хотел знать, где они и с кем. Только ему даже не пришло в голову спросить, хотят ли они такой заботы.

Зара едва удержалась от ответа. Четырнадцать лет он каким-то образом жил, не зная, где они гуляют, с кем разговаривают и во сколько возвращаются домой, а теперь ему вдруг понадобилось спокойствие. Но произносить это перед его гостями она не стала.

Когда мужчины начали разъезжаться, Зара снова подошла к Маге. Он стоял у ворот с Рустамом.

— Мы маме так и не позвонили.

— Завтра, — ответил Мага.

— Почему завтра?

- Хасан уже уехал.
- До него далеко?
- Нет.
- Тогда ходим.
- Поздно уже.
- Девять часов.
- Для звонка в чужой дом — поздно.
- А мама второй день не знает, где её дети. Для неё не поздно.
- Замира догнала сестру и остановилась рядом:
- Зар...
- Что? Я что-то неправильно говорю?
- Мага перевёл на Зару тяжёлый взгляд, но отвечать ей сразу не стал.
- Я сказал: утром позвоните.
- Вы всё время что-то говорите. Вчера было «утром разберёмся». Утром — «вечером».

Теперь уже завтра.

Рустам покосился на Магу, явно рассчитывая на его скорую реакцию. Тот лишь усмехнулся, будто упрямство дочери его лишь забавляет.

- Характер есть.
- Есть, — ответила Зара. — От мамы.

Рустам расхохотался и даже отвернулся, будто не хотел, чтобы Мага видел, насколько его позабавил ответ девчонки. Сам Мага не улыбнулся. Ещё секунду назад в его лице оставалась снисходительная терпеливость взрослого, которого забавляет чужая дерзость, но при упоминании матери она исчезла. Он посмотрел на Зару внимательно и тяжело, однако отвечать не стал.

Замира первой нарушила возникшую паузу.

- Мама, наверное, уже в полицию обратилась.
- И правильно сделала, — сказал Рустам.

Зара тут же повернулась к нему, словно только и ждала возможности начать разговор о полиции:

- Тогда нас будут искать.
- Пусть ищут.
- Он ответил без тени беспокойства, будто речь шла о чём-то совершенно обычном.

— В смысле?

— В прямом.

— Вы начальник полиции, и вас не беспокоит, что где-то ищут двух несовершеннолетних?

— Зара, — предупредил Мага.

Но она продолжала вопросительно смотреть на Рустама.

— Здесь вас никто не украл, — сказал тот.

— Я знаю. Мы сами приехали.

— Вот и хорошо.

— И сами уедем.

Рустам не возразил и спокойно разглядывал Зару.

— Конечно.

В его ответе не было ничего такого, к чему можно было бы придраться. Наверное, именно поэтому Заре снова стало не по себе. Мага хлопнул Рустама по плечу, предлагая на этом закончить неприятный разговор.

— Всё, езжай. Накрутишь сейчас детей.

Рустам коротко попрощался и направился к воротам. Замира проводила его взглядом и тихо сказала:

— До свидания.

Зара стояла задумчивая и молчаливая, пытаясь понять, что именно в этом разговоре её насторожило.

За воротами завёлся автомобиль, и им было слышно, как он удаляется по улице, которую вскоре заполнила вечерняя тишина.

Мага уже собирался идти в дом, когда Зара спросила:

— Можно ещё один вопрос?

Он посмотрел на неё с усталой усмешкой.

— Ты весь день их задаёшь.

— Кто вы здесь?

— В смысле?

— Рустам приезжает два раза за день. Глава администрации сидит у вас за столом. Люди постоянно приходят, что-то просят, о чем-то советуются. Все вас знают.

— И?

— Ничего. Мы вообще про вас ничего не знаем.

Мага посмотрел сначала на неё, потом на Замиру.

— А зачем тогда приехали?

Зара растерялась: такого ответа она явно не ожидала.

— Вот и узнавайте, — добавил он и повернулся к дому.

Она бросила ему вслед:

— А почему вы к нам ни разу не приехали?

Мага приостановился, но оборачиваться не спешил.

Замира окинула взглядом сестру, но Зара уже не могла отступить.

Наконец он медленно повернул к ним голову:

— Не сегодня.

— А когда?

— Когда будет время.

Зара не отводила глаз, всем своим видом показывая, что настроена получить от него ответ:

— Четырнадцать лет не хватило?

— Зара, — тихо сказала Замира.

Мага помолчал. Ни раздражения, ни попытки оправдаться на его лице не появилось.

— Спокойной ночи.

Он резко отвернулся и вошёл в дом, всё-таки оставив её вопрос без ответа. Зара осталась стоять у крыльца, пока за ним не закрылась дверь.

— Зачем ты так? — спросила Замира.

— А как надо?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Они сели на ступеньки. После дневной жары ночь казалась почти прохладной. Горы исчезли в темноте, остались только крыши домов и огромное звёздное небо. Где-то далеко перекликались собаки. Из соседнего двора доносились женские голоса, потом кто-то засмеялся, хлопнули ворота.

Замира придвинулась ближе и положила голову сестре на плечо.

— Завтра позвоним маме.

— Позвоним.

— И уедем?

Зара не отводила глаза от ворот — за один день она увидела столько машин, что перестала их считать. Люди приезжали, уезжали, ездили в район, возвращались, и никого не останавливали ни дорога, ни расстояние, ни отсутствие транспорта или мобильной связи.

— Уедем или убежим, — сказала она.

И всё-таки, сидя в темноте рядом с сестрой, Зара впервые позволила себе сформулировать мысль, которую весь день отгоняла. Если Мага хотел, чтобы они уехали, почему они до сих пор были здесь?

Глава 4. Вторые сутки

Отсутствие автомобиля Лейла обнаружила ещё в первый день, когда слово «пропали» пока казалось слишком большим и страшным для того, что происходило.

Девочки не отвечали уже несколько часов, но поначалу Лейла не тревожилась — злилась. Зара могла не услышать звонок, могла оставить телефон в сумке или просто решить, что перезвонит потом. С Замирой такое случалось реже, однако и её молчание пока ещё укладывалось в десяток самых обычных объяснений.

Лейла позвонила сначала Заре, затем Замире и, не дождавшись ответа ни от одной из них, снова набрала старшую. Вместо гудков раз за разом звучало сообщение, что абонент временно недоступен.

Она открыла переписку.

Вы где?

Отправила и положила телефон рядом, уверенная, что сейчас экран загорится. Прошла на кухню, налила себе воды, вернулась — сообщение оставалось непрочитанным.

Через десять минут Лейла написала снова:

Зара, ответь.

Теперь телефон почти не выпускала из рук. Несколько раз проверила, не отключила ли случайно звук, хотя прекрасно знала, что не отключала. Раздражение нарастало и уже не позволяло ждать:

Позвони мне срочно.

Она стала обзванивать подруг девочек. Сначала тех, чьи номера были у неё самой, потом попросила дать контакты остальных: никто не видел ни Зару, ни Замиру и не знал, куда они могли отправиться.

После очередного разговора Лейла придержала телефон у уха и задумалась: до этой минуты всё ещё можно было объяснить обычной подростковой безалаберностью — загулялись, не слышат телефоны, разрядились батареи, сидят где-нибудь с друзьями и не замечают времени. Но теперь эти привычные объяснения одно за другим переставали подходить. Если бы девочки были у кого-то из знакомых, хотя бы один человек должен был знать об этом.

Впервые за всё это время Лейла посмотрела на часы не с раздражением, а пытаясь вспомнить, когда именно она в последний раз видела дочерей.

И только сейчас почувствовала, как внутри медленно, ещё почти незаметно, начинает подниматься тревога. Вот тогда появилось первое нехорошее ощущение. Ещё не страх, скорее внутренний сбой: привычное объяснение перестало складываться.

Лейла прошла по квартире, заглянула в комнаты, в ванную, на балкон.

Уже в прихожей Лейла машинально взглянула на тумбочку, где обычно лежали ключи от машины, и осознала, что именно заставило её остановиться. На привычном месте их не было.

Она проверила тумбочку, заглянула под лежавший рядом платок, потом открыла ящик, хотя прекрасно знала, что ключи туда никогда не клала. Всё ещё можно было объяснить собственной рассеянностью: утром торопилась, бросила в сумку, оставила в кармане брюк. Лейла быстро перебрала эти варианты и один за другим отбросила. Автомобилем она сегодня не пользовалась, а вечером накануне, вернувшись домой, выложила ключи именно сюда.

Тогда она бросилась к окну, из которого, как оказалось, между деревьями и припаркованными автомобилями, нужного места почти не было видно. Через минуту Лейла уже спускалась по лестнице, на ходу доставая телефон.

На парковке сомнений не осталось — там, где должна была стоять корпоративная машина, теперь теснились чужие автомобили.

И первой Лейла подумала о Заре. Не потому, что уже что-то знала или успела во всём разобраться — просто из двух дочерей только Зара могла однажды решить, что нескольких попыток вождения достаточно, чтобы сесть за руль по-настоящему. Замира на такое не пошла бы сама, но могла поехать с сестрой. Теперь тревога уступила место такой ярости, что Лейле почти стало легче. Если Зара действительно взяла ключи и увезла машину, значит, исчезновению наконец находилось объяснение — безумное, опасное, но всё-таки объяснение.

— Зара, ты что натворила... — выдохнула она и тут же набрала дочь.

Где-то рядом прошла женщина с пакетом и обернулась на её голос, но Лейла этого уже не заметила. Она слушала короткое сообщение оператора о недоступности абонента и всё сильнее сжимала телефон.

Сейчас Зара ответит, Лейла накричит на неё, заставит немедленно остановиться, узнает, где они находятся, потребует немедленно вернуться домой или сама сорвётся к ним, и ни в коем случае больше не разрешит трогать машину.

Только бы ответила.

В тот момент она всё ещё была зла. Автомобиль принадлежал компании. Заре четырнадцать и у неё нет прав. Несколько раз под присмотром матери проехать по пустой парковке или просёлочной дороге — не значит уметь водить.

Лейла уже представляла, как найдёт их, вытащит Зару из-за руля, заберёт ключи и всю дорогу домой будет кричать. Возможно, всё скоро разрешится и ей не придётся потом объясняться на работе, почему корпоративный автомобиль оказался у четырнадцатилетней девочки.

Страх не было, пока Лейла злилась на Зару. Происходящее ещё можно было объяснить обычной, пусть и совершенно безрассудной подростковой выходкой: взяла без разрешения машину, посадила рядом сестру и куда-то уехала. За это предстояло серьёзно отвечать, но сама мысль о наказании почему-то успокаивала — наказывать можно будет потом, когда обе вернутся домой.

Она снова набрала Зару и дождалась, пока вызов опять закончится сообщением о недоступности абонента, затем позвонила Замире, и услышала то же самое.

И только тогда злость начала уступать место страху. Лейла вдруг представила Зару за рулём — не на пустой парковке, где когда-то разрешала ей проехать несколько метров, сидя рядом и готовая в любой момент вмешаться, а на настоящей дороге, среди автобусов, грузовиков и встречных машин. Девочка, которая умела тронуться с места, повернуть и затормозить, могла растеряться на перекрёстке, неправильно рассчитать скорость или слишком поздно заметить опасность. А рядом с ней сидела сестра.

Холод постепенно добрался до пальцев, которыми Лейла сжимала телефон. Ещё несколько минут назад она думала о разбитой машине, неприятностях на работе и о том, какое наказание ждёт Зару после возвращения. Теперь всё это утратило значение. Корпоративный автомобиль можно было разбить, за ущерб — заплатить, перед кем потребуется — извиниться. Важно было только одно: чтобы дочери оказались живы и невредимы.

Не позволяя себе развивать эту мысль дальше, Лейла нашла в контактах Тимура и нажала вызов.

— Девочек нет.

— В смысле?

— Уже несколько часов их телефоны недоступны. Я обзвонила подруг — никто их не видел. И машины нет, моей, корпоративной. Ключи они тоже забрали.

— Ты думаешь, они уехали на ней?

— Я не знаю. Но больше некому.

Тимур не стал тратить время на вопросы, на которые у Лейлы всё равно не было ответа.

— В полицию звонила?

— Сейчас.

— Звони. Я еду.

Он не стал спрашивать дальше.

Тимур приехал ночью вскоре после их разговора.

Позже Лейла не смогла бы вспомнить, сколько времени прошло между её словами «девочек нет» и звонком в дверь. Запомнилось другое: она открыла её и впервые за несколько часов увидела человека, которому ничего не пришлось объяснять.

Тимур не стал говорить, что девочки наверняка где-то задержались, не предположил, что подростки решили напугать мать, не попросил успокоиться. Вместо всего этого он спокойно по-деловому спросил Лейлу:

— Что уже известно?

И с этого момента остался рядом.

* * *

В полиции данные автомобиля записали сразу: марку, модель, цвет, государственный номер, сведения о владельце, кто имел право управлять машиной и почему она находилась у Лейлы.

Тимур устроился рядом с Лейлой и в разговор не вмешивался, предоставив ей самой отвечать на вопросы. Перед собой он держал блокнот и время от времени заносил туда то, что могло пригодиться позже: имена, номера, отдельные фразы полицейского.

— Ключи были доступны детям?

— Они лежали дома.

— Девочка раньше управляла автомобилем?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком поспешно, и Лейла сама это почувствовала. Потому замялась, вспоминая те несколько раз, которым прежде не придавала никакого значения.

— То есть немного. На парковке, за городом. Несколько раз я давала ей попробовать.

— Она умеет водить?

— Нет.

Полицейский оторвался от записей и внимательно посмотрел на Лейлу — ему хотелось понять, насколько буквально следует воспринимать это «нет».

— Совсем?

— Она знает, где газ, тормоз, как включить передачу. Может тронуться и проехать. Это всё.

— Коробка автоматическая?

— Да.

Ручка снова заскользила по бумаге. Лейла напряжённо следила за тем, как одна за другой появляются строчки, превращая всё, что ещё утром было их обычной жизнью, в обстоятельства исчезновения двух детей.

— Найдите машину.

— Будем искать.

— По камерам?

— В том числе.

— Но камеры сейчас почти везде.

— Почти.

Полицейский произнёс это буднично, но Лейла сразу зацепилась за последнее слово. Ей хотелось услышать другое: что машину обязательно увидят, что невозможно проехать незамеченной, что достаточно номера — и через несколько часов станет ясно, куда увезла их Зара. Вместо этого оставалось «почти», а значит, существовали дороги, перекрёстки и повороты, где машина могла исчезнуть из поля зрения.

До сих пор молчавший Тимур впервые вмешался:

— Если машина вышла из города, можно установить, где она перестала попадать на камеры?

Полицейский перевёл внимание на него:

— Сначала получим записи. Потом будет понятно.

Тимур ничего не стал уточнять и лишь занёс ответ в блокнот. Только теперь Лейла заметила, что за время разговора у него набралась уже почти целая страница записей. Пока она отвечала на вопросы и пыталась справиться с нарастающим страхом, он методично собирал всё, что могло оказаться важным, словно заранее понимал: очень скоро удержать в памяти каждую фамилию, номер и обещание будет невозможно.

* * *

На вторые сутки Лейла перестала звонить дочерям каждые пять минут — не потому, что перестала ждать ответа, а потому, что больше не могла слышать одно и то же сообщение о недоступности. Она выдерживала двадцать минут, иногда полчаса, потом снова набирала Зару, Замиру, опять Зару. И всякий раз, глядя на время последнего вызова, испытывала нелепую вину: вдруг именно в эти минуты одна из девочек добралась до телефона, а мать ей не звонила.

В первый день всё ещё казалось, что сейчас одна из них ответит. Зара — раздражённо, будто мать опять помешала чему-то важному:

— Мам, ну что?

Или Замира — тихо, виновато:

— Мамочка, мы сейчас придём.

К вечеру Лейле стало всё равно, что именно они скажут. Пусть соврут. Пусть нахамят. Пусть заявят, что не хотят возвращаться домой и больше не хотят её видеть, что она достала их своими звонками, что они взрослые и имеют право делать что хотят. Только бы услышать их голоса.

На кухонном столе лежал блокнот.

Ещё два дня назад в нём были какие-то рабочие записи. Теперь несколько страниц подряд занимали имена, телефоны, время звонков, подруги Зары, подруги Замиры, родители подруг, учителя, больницы, морги, полиция, волонтёры. Отдельно — сообщения от людей, которые что-то видели. И рядом с ними — те, кому только показалось.

Одну страницу Лейла отвела машине. Вверху написала крупно: МАШИНА. Ниже — марка, цвет, государственный номер и время последней фиксации на выезде с парковки у дома.

За последние два дня эти данные повторялись десятки раз — в полиции, по телефону, волонтёрам. Теперь и Лейла, и Тимур могли назвать их не задумываясь.

* * *

След автомобиля обнаружился довольно быстро. Уже утром машина попала в поле зрения одной из городских камер, а позже появилась на другой записи, ближе к окраине. Этого было достаточно, чтобы подтвердить главное: автомобиль действительно уехал из города своим ходом. Но разглядеть, кто находился за рулём и были ли в салоне обе девочки, качество записи не позволяло.

Лейле показали стоп-кадр, на его сером зернистом изображении машина была видна достаточно отчётливо, и она узнала её сразу — по цвету, очертаниям, номеру.

— Можно увеличить?

Увеличили, но лучше не стало: изображение распалось на крупные квадраты, а лицо за лобовым стеклом так и осталось неразличимым.

— Не понимаю, куда они могли ехать, — сказала Лейла.

— Это было вчера утром.

— Я понимаю. А дальше?

Именно с этим «дальше» и возникла проблема. Следующая камера на предполагаемом маршруте машину уже не зафиксировала, не оказалось её и на основной дороге, и среди автомобилей, прошедших через выезд на трассу. Вывод напрашивался сам собой — где-то между двумя точками Зара свернула, но где именно — пока никто не знал.

Полицейский развернул карту и стал показывать возможные съезды: от основной дороги уходили второстепенные, часть из них вела к небольшим посёлкам, другие позволяли объехать участки, перекрытые камерами, и чем дальше он объяснял, тем яснее становилось, что найденное направление, которое казалось Лейле первой настоящей зацепкой, на деле почти ничего не сужало.

— Машина же не могла просто исчезнуть, — сказала Лейла.

— Не исчезла.

— Тогда где она?

— Это и выясняем.

— Но направление вы видите.

— До определённой точки.

— Значит, надо ехать туда.

Полицейский снова перевёл взгляд на карту, где от последней известной точки расходилось сразу несколько дорог.

— Куда именно?

Лейла не нашлась, что ответить. Она понимала, что на карте всё выглядело обманчиво просто: одна линия дороги, затем развилка, ещё один съезд, несколько населённых пунктов, объездные пути — и через несколько километров первоначальное направление распадалось на целый веер возможных маршрутов. Ехать «туда», как требовала она только что, означало выбирать почти наугад.

Тимур попросил показать последнюю камеру ещё раз, и полицейский оперативно вернулся к нужному участку карты.

— Что начинается после неё?

— Вот эта дорога. Отсюда можно уйти сюда, сюда и дальше вот сюда.

Тимур тщательно изучал показанные ответвления.

— А здесь?

— Камер нет.

— Здесь?

— Тоже.

Он задавал вопросы спокойно, один за другим, не споря с полицейским и не предлагая собственных версий, пока граница между тем, что было известно наверняка, и тем, что оставалось лишь предполагать, не стала очевидной.

Лейла молча следила за его пальцем, перемещавшимся по карте от одного поворота к другому. Только теперь она до конца поняла, что произошло после последней записи: машина никуда не исчезла — Зара просто свернула на дорогу, где за ней уже не следила ни одна камера. И одного такого поворота оказалось достаточно, чтобы две её дочери затерялись среди десятков дорог, по которым теперь предстояло искать их почти вслепую.

* * *

На вторые сутки звонки о машине начали сливаться для Лейлы в один бесконечный разговор. Люди видели похожий автомобиль возле магазина, на заправке, во дворе, кому-то запомнился цвет, кому-то — несколько цифр номера. Иногда совпадение казалось настолько точным, что она уже вставала из-за стола, готовая ехать куда угодно, лишь бы проверить самой. Потом выяснялось, что речь шла о другой модели, другом номере, другом водителе.

Хуже всего она чувствовала, когда на экране появлялся номер полиции. В первые секунды Лейла не знала, чего хочет больше — услышать, что машину нашли, или чтобы человек на том конце не произносил этих слов. За двое суток она слишком хорошо осознала, что обнаружить автомобиль ещё не значит найти девочек.

Каждый такой звонок заставлял её невольно представлять, где могли найти машину. Не припаркованной у магазина и не брошенной во дворе, а где-нибудь за городом, у дороги или внизу, под откосом. Воображение услужливо дорисовывало смятый кузов, выбитое стекло,

колёса среди травы, и Лейла всякий раз останавливалась, прежде чем успевала заглянуть внутрь. Эту последнюю черту она себе переходить не позволяла.

После одного из таких звонков она положила телефон на стол и неподвижно замерла, глядя перед собой. Видимо, что-то изменилось у неё в лице, потому что Тимур, находившийся рядом, сразу это заметил.

— Что?

— Ничего.

— Лейла.

— Ничего, Тимур.

Он не стал добиваться ответа, встал, налил воды и поставил перед ней стакан. Лейла даже не посмотрела в его сторону, но Тимуру этого и не требовалось — он не стал её уговаривать. За эти дни он вообще удивительно быстро научился оставлять ей право не есть, когда она не могла есть, не ложиться, когда сон всё равно не приходил, и молчать, когда любые слова только раздражали. Но больше всего Лейла была благодарна ему за другое: Тимур ни разу не сказал, что девочки обязательно найдутся и всё закончится хорошо. Она не хотела слушать пустые обещания, она хотела трезво понимать текущую ситуацию, чтобы своевременно и полноценно справиться с ней.

* * *

Большую бумажную карту региона принёс Тимур. В телефоне приходилось бесконечно увеличивать и уменьшать изображение, теряя то одну дорогу, то другую, а ему хотелось видеть всё сразу.

Карту прикрепили к стене на кухне, и моментально она стала главным предметом в квартире.

Тимур наносил на неё только то, что уже удалось проверить: автовокзал, железнодорожный вокзал, торговые центры, дома подруг и знакомых девочек. Отдельно отмечал сообщения свидетелей, большинство из которых вскоре приходилось перечёркивать.

Две девочки на автобусной остановке оказались другими детьми. Подростки возле круглосуточного магазина — тоже. У машины нужной марки на парковке был другой номер. Сообщение с заправки не подтвердилось. В больницах и травмпунктах Зара и Замира не появлялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.